

INSPIRIA

ДЕВОЧКА ИЗ СТЕН

ЭЙ ДЖЕЙ ГНЮЗИ

INSPIRIA

Эй Джей Гнюзи
Девочка из стен
Серия «Ток. Ненадежный
рассказчик. Настоящий саспенс»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65510356

*Девочка из стен : [роман] / Эй Джей Гнюзи ; [перевод с английского
Гавриковой]: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155255-8*

Аннотация

Девочка, слишком привязанная к дому.

Девочка, потерявшая родителей.

Девочка, которая прячется в стенах.

Как жить дальше, если ты остаешься один? Маленькая Элиза потеряла родителей и спряталась в единственном знакомом месте – семейном доме. Она становится чужим кошмаром – ведь принадлежит этот дом совсем другой семье.

Захватывающая, леденящая кровь и по-настоящему готичная история от лауреата премии «Кеньон». Следуя по стопам великой Ширли Джексон, Гнюзи мастерски создает призраков. Вот только они осязаемы – и от этого могут причинить куда более серьезный вред...

Все тайное становится явным.

Элиза знает каждый дюйм этого дома. Какие доски скрипят, где трещины в стенах – идеальные убежища для маленькой девочки. Это ведь ее пристанище. Дом, купленный родителями незадолго до автокатастрофы. Только здесь она чувствует себя защищенной.

Эдди изо всех сил пытается игнорировать девочку, которую видит краем глаза. Даже старший брат ощущает чье-то присутствие, и вместе они решаются избавиться от того, что вообще, возможно, не существует.

Вот только изгнание девочки из стен влечет за собой гораздо более реальную угрозу.

Содержание

1		9
	Логово под домом	10
	Под полом	14
	Звучание вечера	17
	Последний декабрь	23
	Один всеведущий	26
	Мальчики	31
	Дом	33
	Певчие часы	38
	Птицы	44
	Не по плану	47
	Мейсоны входят в свой дом	50
	Задымленное пробуждение	52
	Шахта	54
	Новое начало	58
	Мейсоны за работой	62
	Воскресный вечер	69
	Без вести	71
	Возвращение домой	73
	Комната Эдди	76
	Вещи в тайнике	80
	Игра	82
	Вечером	87

Реальность наступает	89
День рождения	92
Что это было?	100
Слежка	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Эй Джей Гнюззи

Девочка из стен

Моей семье

A. J. Gnuse

GIRL IN THE WALLS

© Adam Gnuse, 2021 This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© Bur_malin, rudall30, Chipmunk131, NadzeyaShanchuk /
HYPERLINK «<http://shutterstock.com/>» Shutterstock.com

Используется по лицензии от HYPERLINK «<http://shutterstock.com/>» Shutterstock.com

© Гаврикова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Девочка, слишком привязанная к дому.

Девочка, потерявшая родителей.

Девочка, которая прячется в стенах.

Как жить дальше, если ты остаешься один? Маленькая Элиза потеряла родителей и спряталась в единственном зна-

комом месте – семейном доме. Она становится чужим кошмаром – ведь принадлежит этот дом совсем другой семье.

Захватывающая, леденящая кровь и по-настоящему готичная история от лауреата премии «Кенъон». Следуя по стопам великой Ширли Джексон, Гнюззи мастерски создает призраков. Вот только они осязаемы – и от этого могут причинить куда более серьезный вред...

1

ТЕМА: Ты не один

Слушай. Мы знаем, что в наших домах скрываются люди, которых там быть не должно. Они заползают на чердаки. Прячутся за садовой техникой в гаражах. Порхают из комнаты в комнату, стоит нам только отвернуться.

Некоторые из нас находили их гнезда, свитые в спальне прямо за развешанной в шкафу одеждой. Или под лестницей. Или за диваном в гостиной.

Мы натыкались на полупустые бутылки воды, обертки от конфет и остатки еды, приготовленной накануне. Я нашел на полу свою собственную одежду, измятую и пропитанную чужим потом.

Проверь за мебелью. Под кроватями. Обыщи каждый угол. Но нет никакой гарантии, что они не проберутся снова туда, где ты только что посмотрел.

Ты можешь провести дома весь день и все равно не обнаружить их. Они умны и терпеливы и знают твой дом лучше, чем ты когда-либо сможешь узнать. Но их нужно найти.

И искоренить.

Дж. Т.

Логово под домом

Кошка, моргая в полуденном свете, побрела прочь по длинной подъездной дорожке из гравия. Нашупывая лапами небольшие, проглядывающие между колкими камнями прогалины, она ступала столь тихо, что до девочки, следящей за ней с высоты своего наблюдательного пункта в гостевой спальне, не доносилось ни звука – это было похоже на немой фильм, который ей посчастливилось увидеть в окне. Ей подумалось, что, даже если бы она, прикрыв глаза, растянулась на лужайке, прямо за окаймляющими ее лилиями, которые мать мальчиков, миссис Лора, посадила вдоль дорожки, кошка, пробираясь всего в нескольких шагах от нее, все равно не выдала бы своего присутствия ни единым шорохом. И девочке это нравилось.

Она заметила трехцветную кошку, когда та вылезла из кустов азалии у стены дома. Девочка знала дом достаточно хорошо – не только комнаты, но и полости, скрытые за изнанкой стен и полов, – чтобы припомнить небольшое отверстие в фундаменте, вполне подходящее для желающего пробраться внутрь животного.

Может, она уже видела кошачье логово? Несколько дней назад она наткнулась на какую-то приплюснутую серую кучу полуистлевшего утеплителя под половицами. Нужно будет понаблюдать за животным и узнать распорядок его кошачье-

го дня. Девочка не хотела мешать, нечаянно спустившись, пока кошка дремлет или просто хочет побыть в одиночестве. Кошка тем временем уже перебежала улицу, резво вскарабкалась по отвесному дамбовому ограждению и исчезла по ту сторону в пойме реки. Теперь, раз уж кошачье убежище временно пустовало, девочке захотелось туда заглянуть.

Сегодня вторник, а значит, как и обычно в это время, у младшего сына Мейсонов, Эдди, должен быть урок игры на фортепиано. Она слышала, что Эдди и его учитель музыки там, внизу, сидят за пианино в столовой, но все равно собиралась спуститься. Прямо по той стене, что была сейчас перед ними. Раньше во второй половине дня по вторникам можно было свободно передвигаться по дому: мистер Ник был на своих внеклассных собраниях, миссис Лора – в саду, Маршалл – на автомойке, а Эдди, как правило, прятался в своей комнате с какой-нибудь книгой. Уроки игры на фортепиано, подарок к грядущему дню рождения Эдди, изменили привычный уклад.

Но упрямства девочке было не занимать. Бесшумно ступая босыми ногами по полу, она вышла из гостевой спальни, прошла по коридору, открыла дверь на чердак и поднялась по лестнице. Отодвинув фанерную половицу, девочка открыла проход в стены. В ее стены. Она собиралась спускаться, пока учитель фортепиано выводит мелодии и пока Эдди пытается их повторить, и замирать, как только они будут обрываться. Это был ее дом. Она делала вещи и послож-

нее.

Внутри стен пианино звучало приглушенно, словно сквозь толщу воды. В привычной темноте девочка встала на каркасные балки и провела пальцами по деревянным рейкам, нащупывая неглубокие выемки, которые она сама выскребла несколько недель назад. Она спускалась медленно и терпеливо, дюйм за дюймом. Несколько раз мелодия учителя обрывалась раньше, чем девочка успевала дотянуться ногой до следующей выемки, и ей приходилось застыть в неудобной позе до тех пор, пока мышцы пальцев и предплечий не начинали гореть. Не раз она слишком сильно задевала рейки локтями или коленями, и какой-то ее части становилось очень любопытно, не были ли ошибки Эдди – запинаяющиеся, смазанные прикосновения к клавишам – вызваны тем, что он слышал ее, но притворялся, будто это не так.

– Ну же, парень. – Учитель повысил голос больше, чем следовало при разговоре с мальчиком, которому совсем скоро исполнится тринадцать – Эдди был старше девочки почти на два года. – Просто играй по нотам, – продолжил он. – Давай, следи за моими пальцами – и повторяй.

Девочка закатила глаза. Как будто весь фокус хорошей игры заключается в осознании того, что, оказывается, это делается с помощью пальцев.

Учитель снова заиграл ту же мелодию – и девочка, наконец коснувшись пола, с облегчением перенесла вес на ноги. Медленно, стараясь не удариться об обступившие ее дере-

вянные стены, она стала пробираться сквозь темноту, нащупывая путь выставленной вперед ногой, словно лозоходец.

Два. Три. Четыре. Она считала шаги, скользя пяткой по пыльному полу, пока наконец не нашла её. Неприбитую доску.

Девочка остановилась. Она подождала, пока Эдди и учитель не начали играть свою мелодию. На этот раз они играли вместе, не до конца выдерживая единый ритм. Пальцы Эдди спотыкались на клавишах, заполняя паузы. Пока они играли, девочка надавила на один конец массивной половой доски – противоположная сторона качнулась вверх. Она осторожно приподняла половицу, лишь немногим уступающую ей в высоте, и проскользнула в образовавшуюся под ней дыру, проталкивая ноги сквозь колючий, прогнивший утеплитель. Наконец ее стопы коснулись прохладной земли.

Просто. Как нечего делать.

Под полом

Кошачье логово было спрятано в самом углу подпола вне досягаемости тонкого луча света, сочившегося из отверстия в фундаменте дома. Обнаружить его было непросто, еще труднее было, даже присмотревшись, догадаться о его назначении. Не то чтобы кошка не оставила после себя никаких следов: вот и шерсть на приплюснутой кучке утеплителя, а тут – едва заметный отпечаток лапы на земле. И призрак тепла, касающийся поднесенной к лежбищу ладони. Но никто, кроме девочки, не обратил бы на это внимания. Во всяком случае, с тех пор как она вернулась в свой дом, в свои стены, ей нравилось думать, что она видит мир иначе, не так, как все.

Она легла на спину и вытянула руки и ноги, представляя себя морским существом, покачивающимся на дне темных океанских вод. Пахло землей. Влажной, плодородной землей. Девочка наслаждалась этим ароматом. Она слишком редко имела возможность его почувствовать.

Здесь, внизу, пианино не было слышно – в отличие от ритма, который учитель музыки выстукивал для Эдди каблуком. Он стучал и стучал, как будто его ученик был идиотом. Девочка сделала глубокий вдох, чувствуя во рту липкий привкус затхлого воздуха, и устало выдохнула.

Она знала, что это ее не касается, но все равно расстра-

ивалась, когда с Эдди так разговаривали. Так с ним разговаривал почтальон, вручая почту, и их соседка мисс Ванда в те несколько раз, когда она заставляла Эдди во дворе. Даже Маршалл разговаривал с ним таким тоном. Это казалось особенно нелепым, потому что, по мнению девочки, если кто и заслуживал подобного высокомерного отношения, так это Маршалл, эта длиннорукая обезьяна. Но Эдди был умен. Она знала это, потому что читала его книги – лучшие в доме. Книги по истории Древнего мира и (ее любимые) сборники легенд о таинственных волшебных мирах. Она любила людей с хорошим воображением. Даже если они были странными.

Остальные члены его семьи ели вместе на кухне – он же предпочитал одинокие трапезы в столовой. Были и другие странности: его чувствительность, молчаливость, его бесконечные партии в настольные игры с самим собой – даже в самые скучные, такие как «Монополия» и шахматы.

Может, в этом и было ее бремя – подмечать все те странные и раздражающие вещи, которые делают люди, когда думают, что они одни? Привычку мистера Ника надолго замирать, вглядываясь в пустые комнаты. Невнятное бормотание миссис Лоры. Или проклятия, которые изрыгает Маршалл в адрес собственного отражения в зеркале гостевой спальни, проводя руками по короткой щетине волос. Еще до своего переезда в застенье девочка наблюдала за одноклассниками во время школьных викторин, когда окружающий мир схло-

пывался для них до размеров собственного разума. Она видела, как руки мальчишек ползут вверх по штанинам шорт, а девочки в кровь обкусывают ногти.

Она пожала плечами. Уж кого можно было назвать странным, так это Эдди.

Девочка перевернулась на живот и встала на четвереньки. Позволив себе тихонько покряхтеть, она с удовольствием потянулась, разминая напряженные мышцы. Мысли улеглись в ее голове, пока она ползла под полом, моргая в почти полной темноте, вдыхая сладкий мускусный запах изнанки дома, а под ее руками и ногами вздымались еле заметные, медлительные облачка пыли...

В конце концов, ей ли было судить других – в ее-то положении?

Звучание вечера

На улице вела наступление луизианская весенняя жара. Влажный воздух наполняло жужжание цикад – громкое, будто сирена несущегося по встрече лета. Но девочке их пение казалось стройным и даже успокаивающим своей предсказуемой монотонностью.

Из окна чердака на третьем этаже открывался отличный обзор. В высокой траве, обступившей задний двор, медленно ползла крупная черная змея, уверенно прокладывая себе путь под резную сень разлапистых дубов. Миссис Лора с перепачканными коленями стояла над свежеполитыми огородными грядками, уперев руки в бока. А за углом пристроенного гаража бродил из стороны в сторону на сегодня уже завершивший свое обучение музыкальному искусству Эдди – из-за края покатой крыши девочка видела, лишь как подпрыгивают в такт шагам его взъерошенные черные волосы.

Где-то вдалеке скрипуче заухала неясить.

В доме было тихо. Разморенное собственным жаром, уже зарумянившееся солнце дремало над дамбой по ту сторону улицы, тянулось лучами к дому, проливалось сквозь окна верхних этажей, вырисовывая узорчатые тени кипарисов на полу коридора. Часы в прихожей чопорно пробасили одну-единственную ноту, напоминая, что до шести осталась четверть часа. Мистер Ник праздновал окончание рабочего

дня торжественной дремой на диване в библиотеке на первом этаже, а Маршалл, вернувшись с автомойки пораньше, заперся у себя в спальне, лишь изредка выдавая свое присутствие клацающим ворчанием клавиатуры.

Полуденная жара медленно отступала в занимающийся закат – и старый дом наконец выдохнул. Задышали, выдавливая из каждой щели остатки теплого воздуха, кровельные черепицы и белые полосы сайдинга. Задышали и тихонько затрещали, охлаждаясь, деревянные полы и стены. На первом этаже закашлялась и резко затихла сушилка.

Почти неразличимо, если только не знать, к чему прислушиваться, защебетали петли распахнувшейся и снова притворившейся чердачной двери. Последовавшие за этим шаги босых ног были такими тихими, будто какое-то насекомое семенит своими неисповедимыми путями по узорам света на полу.

Нужно было решить, чем занять вечер. Можно посвятить его чтению – или придумать что-нибудь еще. Сейчас девочка читала собрание скандинавских мифов, толстую книгу в потрепанной мягкой обложке – как раз ту, которую она держала под мышкой, стоя на верхней площадке винтовой лестницы и прислушиваясь. Несколько месяцев назад из телефонного разговора миссис Лоры девочка узнала, что эта книга должна была стать рождественским подарком Эдди от двоюродной бабушки из Индианы. Но посылка затерялась на почте и пришла только на этой неделе.

Девочка была дома одна, когда наконец раздался звонок в дверь и на крыльце появился порванный по шву желтый пакет. Видневшиеся серебристые буквы корешка книги не оставляли сомнений в его содержимом.

Девочка бросила быстрый взгляд на дамбу и дорогу – ее никто не должен был видеть, даже случайные прохожие – и схватила ожидавший на придверном коврикe пакет, на мгновение окунув бледные ладони в теплый солнечный свет. Книга несла на себе явные следы знакомства с водной стихией. Девочке тут же представилось, как почтовый грузовик на просторах Индианы проигрывает в противостоянии снежной буре и, пробуксовав по гололеду, заваливается в какую-то канаву. Но даже с загнутыми углами и расплывшимися кое-где чернилами книга все еще была читаема.

Все были уверены, что подарок уже не найдет адресата. Эдди вряд ли бы хватился потерянной посылки – а вот пропажу фэнтезийных романов и сборников мифов, обитающих на его книжной полке, заметить мог.

Девочка смаковала книгу. Иногда она перечитывала главу два или три раза, прежде чем открыть следующую. Спешить было некуда.

Ступеньки назойливо скрипели под ее ногами. Как она ни старалась перенести побольше веса на деревянные перила, окаймлявшие изогнутую лестницу, ступеньки все равно находили повод наябедничать. Некоторые звуки в доме были неизбежны.

Наконец девочка оказалась в прихожей. Ее стены, как обычно, были украшены парой дворовых пейзажей в оконных рамах. На одном – зеленая лужайка и цветочные клумбы, на другом – утес зеленой дамбы через дорогу. На несколько мгновений иллюзию разрушил вплывший в раму мальчишка в комбинезоне – он прошествовал по грязной тропе, венчавшей дамбовое ограждение, и растворился, врезавшись в край оконного полотна. Тишину в прихожей нарушало только тиканье антикварных часов. В библиотеке за стеной мистер Ник поерзал на старом диване и всхрапнул.

Еще вечером можно послушать телевизор – когда мистер Ник делал громкость повыше, она разбирала почти все слова, сидя под лестницей в прихожей. Или можно порисовать в блокноте на крытой веранде, растянувшись на животе за плетеным диванчиком. Каждый вечер, когда сумерки сгущались и увидеть что-либо было уже сложновато, миссис Лора выглядывала из прачечной, включала лампочку на веранде и оставляла гореть – как будто специально для девочки. Гасил ее много позже мистер Ник, обходя комнаты перед сном.

Варианты были. А пока ее мучила жажда.

Через гостиную с мягкой мебелью и не выдавшим ее шагов ковровым покрытием девочка прошла в кухню. С тихим характерным звуком открылся холодильник. Звякнули стаканы, один из которых был вынут из шкафа. Холодильник, закрываясь, глухо повторил свою реплику.

Окна кухни слепо уставились на деревья, рядом выстро-

ившиеся по этой стороне двора. Район был малоосвоенным, в округе к югу от Нового Орлеана, и единственным домом по соседству, который был виден из кухни, был однокомнатный домишко мисс Ванды. Он стоял далеко, через поле, почти на самой опушке леса, но девочка не рискнула подойти к окнам. Она осторожно наклонила голову и, прищурившись, стала вглядываться в открывшийся ей клочок вечернего неба. По нему лениво ползла пара тонких розовых облачков. Похоже, ночь обещала быть ясной. А значит, стоит вернуться сюда, когда Мейсоны отправятся спать. Растянуться на кухонном столе и, под защитой дома от белого света придорожных фонарей, смотреть на звезды. Вон там, над переплетением дубовых и ежевичных ветвей, скоро засияет Орион, Большая Медведица и всякие другие созвездия – их показывала ей мама. В этом самом дворе. Девочка почти почувствовала ее теплую руку в своей ладони. Почти увидела, как она указывает на рассеянные по небу тусклые колючки света, обрисовывает их пальцем и называет.

Тихо захныкала открывающаяся посудомоечная машина. Стеклянно кашлянул стакан с потеками апельсинового сока, протискиваясь между грязной посудой Мейсонов. Пробарабанила по кафелю босоногая дробь удаляющегося топота.

Старинные часы в прихожей возвестили шесть вечера и залились звенящим щебетанием маленьких зябликов. Мистер Ник сел на диване, опустил ноги на пол, потянулся и прошептал сквозь прихожую и гостиную в кухню, которая

тут же забренчала звоном перебираемых в шкафчиках кастрюль и сковородок – мистер Ник собирался готовить ужин для всей семьи. Через несколько минут на заднем крыльце раздались голоса Эдди и миссис Лоры под шарканье вытираемой о придверный коврик обуви. Стереосистема Маршалла наверху неожиданно разразилась металлическим ревом электрогитар, подгоняемых дробным нетерпением барабанов.

Из прачечной донесся тихий шелест книжных страниц – устроившись между толстыми серебристыми трубами за сушильной машиной, девочка открыла нужную главу. В ней Один – старший бог – в поисках мудрости спустился в ущелье меж корней Мирового Древа и за ее обретение отдал свой глаз ведьме¹.

– Есть много способов видеть, – сказал Один, а из-под ног его восстала пара воронов. Птицы отряхнули грязные крылья и, оттолкнувшись от только что породившей их земли, уселись богу на плечи. – И сколь много можно охватить дарованной мне мудростью, – продолжил он, – не объять самым острым глазом.

¹ Согласно скандинавской мифологии, Один отдал глаз не ведьме, а великану Мимиру, сторожившему источник мудрости. – *Прим. пер.*

Последний декабрь

В те странные холодные выходные между Рождеством и Новым годом, когда даже взрослые, казалось, не понимали, чем вообще принято коротать навалившиеся часы досуга, в доме царил беспорядок. Из-под дивана и журнального столика выглядывали полоски порванной оберточной бумаги. Часть украшений уже переключивалась на пол и в коробки, рождественские чулки были милостиво освобождены от бремени подарков и небрежно сложены на стульях и каминной полке. Вовремя не политая отцом, ёлка начала сохнуть, вырисовывая на полу абстрактные иголочные узоры.

Они отправились в городской парк: хотелось в последний раз полюбоваться иллюминацией ботанического сада, пока ее не смели серые посленовогодние будни. Они с родителями были здесь уже дважды за этот месяц – но всегда приезжали после наступления темноты. Теперь ей хотелось взглянуть на знаменитое «Празднование в дубах»² среди бела дня, рассмотреть каждую лампочку, каждый шнурок в обличающем свете солнца, увидеть их переплетения между живыми изгородями, их паутины, изгибающиеся в северных оленей и снежинки. Увидеть скелеты рождественских огней. Кутаясь в пальто, они шли по узким ухоженным дорожкам. Она плелась в нескольких шагах позади мамы и папы, потяги-

² Фестиваль иллюминации в Новом Орлеане. – *Прим. пер.*

вая горячий шоколад из пластиковой чашки. Поднимавшийся от нее пар приятно щекотал лицо. Едва ли кто-то еще гулял здесь в такое время.

Под осьминожьими ветвями огромного дуба в центре парка события развивались по предсказуемому сценарию: горячий шоколад перекочевал в мамины руки, а папины уже готовы были подхватить девочку под мышки у самого подножия развесистого дерева. Ноздри защекотал резкий запах его одеколona и не до конца выветрившейся свежей краски. Он поднял ее высоко – и она ловко подтянулась на развилку дуба. Как обычно, папа поворчал, что они оба уже не в том возрасте, чтобы баловаться такой зарядкой.

– Похоже, даже когда я стану столетним стариком с больной спиной, я все еще буду таскать тебя на себе.

Вскарабкавшись, она пожалала плечами. Подул ветер, вызвав бурные аплодисменты окруживших ее листьев. Она схватилась за раскачивающиеся ветви и подтянулась выше.

– Осторожней там! – Но она крепко вцепилась холодными пальцами в шершавую кору дуба.

Чем темнее становилось небо и чем дальше уползали изогнутые тени ветвей, тем ярче загорались синие и желтые огоньки иллюминации, затерянные в кроне совсем рядом с ней и разбросанные по парковым уголкам. Она наблюдала, как в их сиянии уплотнялись и оживали вечерние тени.

Позже, на обратном пути, она дремала в машине, убаю-

канная знакомыми ухабами дороги де Голля и маминым голосом с переднего пассажирского сиденья. Она бормотала что-то о планах на Новый год.

– Думаю, вечеринка у Уилсонов закончится за полночь. Так что если хочешь остаться подольше...

Девочка угрелась на своём месте. Машина притормозила перед светофором, и ремень безопасности слегка врезался в шею.

– Или, может, вернуться пораньше? Семейный праздник – как в прошлом году, в старом доме? Кажется, у нас и фейерверки остались.

Мотор зарокотал, снова разгоняя машину по неровной дороге, и колеса тут же обругали выбоины недовольным постукиванием. Приглушенно звучали голоса папы и мамы. Девочка то проваливалась в сон, то снова выныривала из него – будто бродила взад-вперед между спальней и коридором.

Один всеведущий

Несколько месяцев спустя, спрятавшись в старом доме в окружении семьи Мейсонов, девочка прочитала в своей книге скандинавских мифов, как Один – теперь Один Одноглазый – стал мудрейшим из всех богов и обрел способность знать, что происходит в любой точке мира. Вести ему приносили дарованные ведьмой вороны. Они парили высоко в небе, скрывались в облаках, а вернувшись – утыкались Одину в бороду, греясь от леденящего холода небесных просторов, и нашептывали ему на ухо о том, что разведали.

Вот как Один видел мир – глазами своих воронов. Беснующиеся горные бури, ворочающиеся под землей великаны, шебуршащиеся в болотных кустах животные – все это восставало перед ним в тёмных стенах тронного зала.

Закончив читать главу, девочка зажмурила один глаз, почесала затылок и села. Хорошая история, но стоило прокрутить ее в голове еще раз – и первое впечатление затапливало неясное чувство, будто что-то не так. Неправдоподобно, неправильно. Будь она на месте Одина, заключила бы такой же договор с ведьмой под корнями Мирового Древа? Пошла бы на ту же сделку? Променяла бы глаз?

Девочка прислонилась головой к стене прачечной, потерла брови большим и указательным пальцами и, надув щеки, тихонько почмокала губами.

Не то чтобы она не верила в волшебство или считала, что оно того не стоит. Безграничные знания и мудрость? Черт возьми, она бы отдала за это глаз. Она, конечно, любила свои глаза – светло-зеленые с коричневыми крапинками. Но их, в конце концов, было у нее два. Ей вспомнилась книга о пиратке Энн Бонни, которую когда-то подарил ей отец. На обложке она вела свой корабль через голубые просторы Карибского моря. Дикая, свободная, с широкой ухмылкой и большой черной повязкой на глазу.

Такой имидж девочку вполне устраивал. Да, она определенно променяла бы глаз на волшебных птиц.

Правда, возможно, не на воронов – не на этих громко, скрипуче каркающих птиц из стихотворения Эдгара По «Никогда!». Она не читала, просто слышала о нем.

На каких-нибудь птиц потише. И поменьше. Например, на корольков. Ей нравились их выпяченные грудки – будто подушки, которые всегда были при них и на которых можно было удобно устроить голову, где бы их ни сморил ночной сон. А благодаря небольшому размеру они могли спрятаться где угодно – и куда угодно проскользнуть.

И все же... Не птицы делали историю неправдоподобной. Было в ней что-то еще. Но что?

Этот обмен Одина с ведьмой – в нем же нет никакого смысла.

Во-первых, ведьма. Что она делает там, внизу, под корнями дерева? Почему она даровала незнакомцу способность

видеть весь мир – способность уникальную и невероятную, – а взамен попросила всего лишь глаз? Что вообще можно делать с глазом?

А Один? Таким ли уж всеведущим он стал? Девочка и до того читала пару историй о скандинавских богах – у Эдди был сборник лучших мифов со всего мира: египетских, южноафриканских, греческих, индейских, ближневосточных. Из них она знала, что, при всей своей мудрости, Один понятия не имел, какие проказы замышляет его злокозненный сын³ прямо под его всезнающим носом.

Девочка замерла. Миссис Лора прошла через библиотеку и направилась к ней – в прачечную. Сушилка перед девочкой покачнулась, разевая металлическую пасть. Шорох чистого белья, выползающего из машины в корзину, щелчок захлопывающейся дверцы сушилки – и миссис Лора упорхнула так же внезапно, как и вошла, напевая себе под нос музыкальную тему из «Последнего героя»⁴. Бельевая корзина постукивала в такт, ударяясь о ее колени.

Девочка снова раскрыла книгу, перелистала страницы и, прищурившись, взгляделась в изображение старика и ведьмы под змеящейся сенью мощных корней Мирового Древа. Возможно, мораль этой истории была совсем простой: взрослые,

³ Согласно скандинавской мифологии, Локи, о котором явно идет речь в отрывке, был побратимом Одина, а не его сыном. – *Прим. пер.*

⁴ Американская версия этого реалити-шоу называется «Survivor» (*англ.* «выживший»). – *Прим. пер.*

даже самые умные, не были обделены глупостью. Эту мораль девочка усвоила давно и на собственном опыте. Взрослые часто требовали от нее довольно глупых вещей. И одобряли ее прежних учителей, которые разговаривали с ней как с младенцем. Приемная опекунша, мисс Брим – она провела с ней один вечер, но все еще помнила ее имя – всерьез полагала, что семью и дом легко построить заново. Даже мама и папа нагружали ее этой бессмысленной работой по дому: то заднее крыльцо надо было подмести, хотя уже через несколько часов оно вернется к своему первоначальному затоптанному существованию, то протереть пыль в комнатах, в которые они и заходили-то редко. А хуже всего было то, что они постоянно что-то ремонтировали и переделывали – это забралось даже в самое первое воспоминание девочки: как она с раскраской лежит на застеленном брезентом полу. Страшно представить, сколько часов ее родители потратили впустую... Девочка отогнала эти мысли подальше. Сейчас она отдала бы все, что угодно, за эти их несносные домашние хлопоты и вечный ремонт. Все отдала бы. Если бы только могла.

И все же. Почему ведьма просто не забрала всю мудрость себе? Она ведь жила одна, в темноте под корнями дерева... Она должна была хотеть этого больше, чем кто-либо другой. Закрывать глаза, прислушиваться к шепоту воронов, видеть каждую грань мира, будто на экране телевизора. Как вообще можно было отдать таких птиц?

Почему она вообще жила под деревом? Чем она там занималась? Если она так легко сделала Одина мудрейшим из богов, на что еще она была способна? Девочке казалось, что история оставила на своих задворках самого интересного персонажа.

Ей нравилась эта ведьма. Она будто подмигивала ей со страниц. В этой женщине было куда больше, чем она показывала. И никому в мире она не доверяла эту тайну. Никому – кроме девочки.

Страницы снова переметнулись к началу мифа. Девочка размяла шею, чувствуя, как слегка похрустывают затекшие позвонки – и погрузилась в чтение того же отрывка.

Здесь, в ее доме, время шло так, как хотелось ей. Здесь – в мире, который она нашла. Или, быть может, создала – кто знает? Здесь она даже могла бы навсегда остаться маленькой девочкой – пока никто не знает, где ее искать.

Мальчики

Прошло немало времени после того, как свет в доме погас, когда девочка спустилась полюбоваться заглядывающими в окно кухни звездами. Потом она шмыгнула в ванную на первом этаже, почистила зубы щеткой, которую прятала за полкой с журналами, и снова нырнула в стены, укуталась ими, будто одеялом, уже предвкушая сладкий сон. Она начала свое восхождение в междустенье, чувствуя вибрации дома и трепетание собственного пульса на кончиках пальцев. До второго этажа оставалось совсем немного, когда она настороженно замерла.

Почему они не спали? Устанный ковролином пол где-то над ней поскрипывал под их шагами. Старший говорил тихо – видимо, не хотел разбудить родителей.

– Думаешь, я не слышу, как ты тут ходишь? Какого хрена ты вообще делал?

Эдди что-то ответил, но его голос был настолько мягким и слабым, что она не смогла ничего разобрать. Маршалл оборвал его на полуслове:

– Заткнись.

Она живо представила Маршалла, нависшего над Эдди и до побелевших костяшек вцепившегося в дверной косяк. Представила его узкое лицо, посеревшее то ли от злости, то ли всего лишь от игры ночных теней в ванной, соединявшей

их комнаты. Представила, как с каждым своим словом он наклоняется ближе к Эдди.

– Ты чудила, идиот и сопляк, – процедил он. – Ради всего, к чертям, святого, почему ты не можешь быть нормальным братом? Разбуди меня еще раз – и я выбью из тебя все дерьмо.

Дом

За десятилетия своего существования старый дом повидал никак не меньше полудюжины семей, и все они пытались – безуспешно – переделать его на свой лад. Дом покладисто вбирал в себя все нововведения и перепланировки, бережно храня в своих стенах память о каждом жильце. Кто-то оснастил его встроенными шкафами, другие пристроили заднее крыльцо, а третьи превратили его в крытую веранду. Подсобки были разжалованы в кладовые, игровая комната прошла путь от гостиной до кабинета, а кухня в какой-то момент раздобрела почти в два раза и поглотила гаражное помещение.

Дом походил на лоскутное одеяло, состряпанное из самых разных кусков человеческой фантазии. Или на какое-то нелепое мифологическое существо. Белые ионические колонны в прихожей высокомерно поглядывали на кремовые подвесные потолки 1970-х годов и люминесцентные лампы гостиной. Открытые паркетные полы коридора на втором этаже в некоторых спальнях укрылись толстым одеялом коричневого ковролина. В библиотеке скучал непригодный для использования камин без дымохода. Из стены родительской спальни торчали резные кованые ребра системы отопления, газ к которой так и не был проведен. Каждый уголок дома дышал историей: десятилетие за десятилетием люди пыта-

лись здесь обжиться – и никому это так и не удалось.

Сколько девочка его помнила, дом всегда находил чем захворать: ржавели то водопроводные трубы, то сам котел, протекал потолок, лопался водосток, гараж чуть не стал прибежищем пчел-плотников, а чердак – гнездом для пары белок. Поэтому, что при ее родителях, что при Мейсонах, в доме было полным-полно недоделок: так и не ожило устройство внутренней связи для переговоров на разных этажах, а витражное окно над кухонной плитой тускнело на фоне каменной стены.

Все ее детство мама и папа постоянно жаловались, что, стоило им затеять ремонт, как где-то на другом конце дома обязательно ломалось что-нибудь более существенное, вынуждая их бросать начатое на полпути. Слишком много воспоминаний. Вот мама с отверткой в зубах бежит вниз по лестнице на кухню спасать выкипающий ужин. А вот девочка с папой всматриваются в потемневший от влаги потолок кладовки:

– Интересно, это твоя ванна потекла или наша? Или еще что-то? – Над их головами разверзается изнанка стен – будто система пещер в глыбе дома. – Давай разбираться.

Неудивительно, что месяц назад, в начале марта, узнав о решимости миссис Лоры потягаться с домом в упрямстве, девочка испытала что-то вроде дежавю. Мать семейства Мейсонов хотела прорубить в кабинете еще одну дверь и сделать его проходным между родительской спальней и комна-

тами мальчиков. Единственный коридор подковой змеился через верхний этаж. Спальни были на разных оконечностях этой подковы – создавалось ощущение, будто они и вовсе в разных домах. Девочка и сама знала об этом не понаслышке: раньше комната Маршалла была ее комнатой, и, когда ей становилось одиноко перед сном, приходилось очень сильно напрягать слух, чтобы услышать тихие голоса родителей, доносящиеся из спальни. В тот мартовский день нанятый миссис Лорой рабочий попытался продраться сквозь крепкий скелет дома. Почти все утро его пила пронзительно визжала и отплевывалась с боем вырванными щепками. После обеда мистер Ник не выдержал и, прихватив мальчиков, отправился на дневной спектакль. Миссис Лора сбежала на шезлонг посреди огорода. Девочке же оставалось только зажать уши ладонями и ждать.

Около двух часов пополудни пила в последний раз вяло рыкнула и сдалась. Рабочий протопал к окну спальни Эдди и позвал миссис Лору.

– Я-то думал, это, сваи перережу – и делов, – сказал он с характерным южным акцентом. – Только вот представьте себе, дерево – как камень. Погнуло зубья моей пилы!

Для пущего эффекта рабочий взял молоток и ударил им по свае. Звук был такой, будто он и вправду врезался в камень. Девочка, которая слушала их разговор, прижавшись ухом к стенке кабинетного шкафа, от неожиданности прикусила язык.

– Это не дом – это шахта какая-то! – подытожил рабочий.

Девочка сплюнула в коробку со старыми джойстиками Маршалла. Катился бы этот шумный парень вместе со своей пилой хоть в шахту, хоть в пекло.

– Я правильно понимаю, что вы отказываетесь от работы? – разочарованно уточнила миссис Лора. Девочка сразу представила, как она наклоняется, разглядывает древесину и прикидывает, сможет ли сама выпилить проклятый проход.

– Ну, говорю же: тут как в шахте, – рабочий хохотнул, – без взрывчатки не пробьется.

– Уж конечно.

Миссис Лора тоже саданула молотком по стене. На этот раз девочка успела подготовиться.

– Как камень, – подтвердила она. – Боже. Это место не устает нас удивлять.

Может, это наконец умерит ремонтный пыл Мейсонов. Девочка, как никто, знала, что некоторые вещи в этом доме просто невозможно изменить. Или всего лишь надеялась на это. Но, в конце концов, она ведь знала эти стены, знала их изнанку, знала каждую бороздку, каждый шрам, оставшийся от прошлых жильцов.

Сколько бы старшие Мейсоны ни задыхались по вечерам от запаха свежей краски, изогнувшись с кисточками у шкафчиков в ванной. Сколько бы они ни корпели над настольной пилой на заднем крыльце. Сколько бы ни звали недовольных мальчишек помочь с очередными ремонтными затеями вы-

ходного дня, будь то починка выдвижных кухонных ящиков, замена треснувшей плитки в родительской спальне, укладка нового утеплителя на чердаке, подключение недавно купленных потолочных вентиляторов к старой проводке, вьющейся сквозь стены, или разбор глубокого шкафа в гостиной, где уже не одно десятилетие хранились оставленные предыдущими жильцами вещи...

Никто из них никогда не будет знать дом так, как она.

Певчие часы

Единственным одобренным Девочкой из Стен новшеством Мейсонов были часы. Горластые часы. Способные докричаться до всех комнат первого этажа. Если прислушаться, их бой можно было различить и в пристроенном к дому гараже, калачиком свернувшись в покоящейся там лодке, и наверху, под плюшевым одеялом в коридорном бельевом шкафу, и даже выше, в темной духоте чердака.

Антикварные часы совершенно не выглядели на свой возраст. Старинные вещи представлялись девочке пыльными, ветхими, покосившимися – чем-то из особняка Эбenezера Скруджа. Часы же стереотипов не признавали. Они оказались неожиданно для присущей им голосистости скромных размеров: мужчине часы пришлись бы чуть выше пояса, а невысокой одиннадцатилетней девочке – как раз в рост. По форме они отдаленно напоминали пирамиду, гладкий глянцево-белый бок плавной волной обрамлял циферблат. Насыщенного цвета кедровый корпус был отполирован так, что, отражая свет зажженной лампы, сиял едва ли не ярче ее самой. В узком стеклянном просвете снизу качался маятник с выгравированной на нем южной короткохвостой бурозубкой.

Миссис Лора называла их внучатыми часами. Название звучало вымышленным, но девочке оно понравилось. Ей представлялась такая же, как она, юная барышня, которая,

по странному стечению магических обстоятельств, превратилась в химеру, в существо, сочетающее в себе две сущности, – как русалка или сфинкс. Подбоченившиеся в углу прихожей часы виделись девочке одновременно ребенком – и ухмыляющейся старухой.

Вместо чисел на циферблате были нарисованы двенадцать видов птиц: пересмешник, кардинал, стайки зябликов и скворцов, виргинский филин, голубая сойка, а наверху – овсянка, яркая, будто витражное стекло. Остальных девочка пока не знала – еще не дошла до них в увесистом «Иллюстрированном справочнике по птицам Северной Америки», который хранился на одной из нижних полок маленькой учебной библиотеки. Каждый час столетние шестеренки и шкивы проворачивались, часы утробно громыхали – а затем заливались щебетанием тех птиц, на которых указывала пухлая стрелка.

Именно они будили девочку по утрам – доносившимся снизу, приглушенным криком голубой сойки. Девочка выбиралась из укромного уголка под половицами навстречу льющемуся из чердачного окна солнечному свету, аккуратно складывала одеяла и зимние куртки, которые использовала вместо матраса, и убирала их обратно в заглазники Мейсонов.

Сегодня, как и в любой будний день, вслед за ее подъемом внизу тихонько заскрипела кровать – мистер и миссис Мейсон сели и спустили ноги на пол. Девочка подождала, пока

они встанут, а затем, размахивая затекшими за ночь руками на манер ветряной мельницы, осторожно прошла по фанерному полу чердачного этажа к окну. Она выглянула на улицу. Ветер играл в ветвях развесистого дуба на заднем дворе. Ему наконец удалось сорвать трофейный листок, который он тут же уронил между машинами, припаркованными на подъездной дорожке рядом с гаражом. Несколько минут спустя будильник Маршалла приступил к привычному ритуалу: он завывал, останавливался, снова завывал и снова останавливался, а его владелец упорно хлопал по кнопке повтора.

Зашипел душ мальчиков – Эдди отправился мыться. Кондиционер рядом с девочкой включился и заурчал. Она забралась прямо на него и распласталась на металлическом корпусе, приятно холодившем шею, спину и ноги. Внизу миссис Лора уже начала готовить завтрак – это же им так вкусно пахнет?

Кажется, она печет печенья?

Иногда девочке казалось, что даже здесь, под стропилами, она различает все эти вкуснейшие ароматы – и ее воображение услужливо рисовало кленовый сироп на блинах мальчиков, клубничный джем, растекающийся по тосту мистера Ника, брызги апельсина, нарезаемого миссис Лорой. Но позже, спустившись на кухню, она с разочарованием обнаруживала в посудомоечной машине остатки быстрорастворимой овсянки или хлопьев с молоком.

И всякий раз она натыкалась на острые осколки приятных

воспоминаний. Ее папа всегда готовил им завтрак. Картофельные оладьи. Пухлые жареные колбаски. Яичница-болтуня под острым соусом «Кристалл»⁵. Иногда она баловалась за едой, вытягивала ноги, цеплялась за карманы отцовских брюк и за мамины чулки – они забавно похрустывали под сжатыми пальцами, будто комья мягкого песка.

– Весело, да? – ухмылялась мама, вскидывая бровь.

Звон складываемых тарелок ознаменовал окончание завтрака. Башмаки одного из Мейсонов спешно протопали вверх по лестнице – в спальню кого-то из мальчиков. Несколько мгновений спустя они прогрохотали обратно по коридору и снова забарабанили по ступеням. Наверное, Маршалл или Эдди возвращались за забытым учебником или калькулятором.

Из окна девочка увидела, как мистер Ник и мальчики выползли на улицу. Отец семейства был в белой рубашке с воротничком, Маршалл – в черной футболке и потертых джинсах, а Эдди – в неизменной форме средней школы: синем поло и шортах цвета хаки. Провожая их взглядом, она привычно задумалась о том, что все они разъезжались в разные школы. Мальчики учились неподалеку, а вот мистер Ник преподавал средним классам едва ли не на другом конце города – на восточном побережье реки. Это всегда немного удивляло ее. Когда Мейсоны уезжали, ей представлялось, что где-то

⁵ Популярный луизианский соус с глубоким вкусом и ароматом перца, менее острый, чем Табаско. – *Прим. пер.*

там, вне дома, они по-прежнему вместе. Только вот в реальности такое случилось редко.

У машины Эдди остановился протереть подошвы ботинок о резиновый порожек задней двери их красного «Сатурна»⁶. Он всегда делал это медленно и терпеливо, будто отсчитывал, сколько раз он уже провел подошвой по резине, и прикидывал, достаточно ли этого, чтобы перейти ко второй ноге. Как-то раз он вытирал ботинки целую минуту. Сегодня же Маршалл не был намерен дожидаться его. Он подошел к Эдди со спины и, как только мистер Ник уселся на водительское кресло и захлопнул за собой дверцу, толкнул его локтем в спину.

– Пошевеливайся! – гаркнул Маршалл, хватая Эдди за плечо и заталкивая его в машину.

Девочка отреагировала апперкотом в воздух, представив, как ее кулак хорошенько впечатывается в зубы старшего брата. После их отъезда спешно выбежала на задний двор миссис Лора в платье и на каблуках. Она работала в сфере недвижимости. У дверцы машины она, как всегда, остановилась, наклонилась, чтобы поставить портфель между ног, и, глядя на свое отражение в стекле, поправила прическу. Большим и указательным пальцами она выцепила из волос, доходивших ей до плеч, что-то похожее на кусочек отвалившейся краски, который немедленно выбросила на лужайку. Вскоре гравийная дорожка под колесами ее синего внедорожника фыркну-

⁶ Американская марка машин. – Прим. пер.

ла облачком пыли. Миссис Лора уехала.

Внучатые часы внизу заголосили об удачном преодолении часовой стрелкой очередного круга циферблата. Настало время королька.

Её время.

Часы сопровождали каждый ее день. Странно, тяжело ухали в четверть и половину часа. Щебетали птицами, стояло указующему персту минутной стрелки потянуться вверх, к двенадцати. А может, она тянулась выше? К гнезду, свитому девочкой под половицами чердака. Напоминая ей отмерять время. Час за часом.

Птицы

Пение королька обычно знаменовало завтрак, состоящий из ломтика тоста и сваренного вкрутую яйца или миски хлопьев, если хотелось поосторожничать. Оно же приглашало девочку в ванную на первом этаже – умыться и вытереть подмышки и затоптанные ноги влажной мочалкой, которую она прятала в самом дальнем углу шкафа под раковиной за запасной туалетной бумагой и чистящими средствами.

Задорные крики скворцов напоминали ей, что можно вести себя сколь угодно громко и не бояться быть услышанной. Напоминали, что пора слушать музыку и делать зарядку. Напоминали включить радио в гостиной и, если повезет попасть на хорошую песню, танцевать и кувыркаться в коридоре на втором этаже. Или даже улечься животом на коврик и кататься по паркету из комнаты в комнату, будто на ледянке. Новинки эфира девочка делила на хиты и полнейшие провалы. Та же «Don't Phunk with My Heart» оказалась такой взрывной, что, только услышав ее, девочка бросала любые дела, бежала в гостиную и скакала по дивану в такт ритмичной музыке. А вот после «Hollaback Girl» радио хотелось выключить до конца дня.

Малиновки насвистывали девочке проверить, что там по телевизору. В это время как раз заканчивалась «Правильная

цена»⁷ и могли повторять серии «Геракла» или «Зены – Королевы воинов». Примерно в это же время появлялся почтальон. Если у него на руках была посылка для Мейсонов, он подъезжал на фургоне прямо к дому и оставлял ее на крыльце. Девочке стоило быть осторожнее. Она смотрела телевизор с пультом в руках и в любой момент готова была выключить его и нырнуть на пол, чтобы почтальон не увидел ее в окно. Однажды, около месяца назад, он услышал бормотание телевизора и постучал. Один раз, другой... Он стучал так долго и упорно, будто и вовсе не собирался уходить.

Низким гнусавым стоном канадский гусь звал ее рыться в холодильнике и греть все, что найдется, в микроволновой печи. Иногда приходилось довольствоваться сухофруктами, орешками или яблоком. Иногда – копать в закромах морозильной камеры в поисках старого пакета с горошком или клубникой. Гусь напоминал девочке и о необходимости заняться ужином: сделать пару бутербродов с арахисовым маслом или поджарить на плите немного попкорна, а затем запрягать съестную заначку в бумажный пакет и отнести на чердак до востребования.

Торжественным уханьем виргинский филин объявлял время чтения. На чужие истории настроение было не всегда – в таком случае девочка с удовольствием выдумывала собственные. Она бродила из комнаты в комнату, представляя,

⁷ Американское шоу, участники которого отгадывают цены товаров. – *Прим. пер.*

будто не одна. Будто кто-то растянулся на диване с кроссвордом. Будто из душа доносится пение. Будто пара стариков болтают о том о сем, прохаживаясь по коридору. Как куклы в кукольном домике. Иногда она представляла знакомых – маму, папу, пожилых родственников с тростями и на ходунках, которых она смутно помнила по небольшим семейным встречам времен ее беззаботного детства или о которых только слышала, например, давно почившего двоюродного деда, завещавшего ее родителям этот самый дом. В других фантазиях фигурировали выдуманные люди – воображаемые семьи, или даже призраки, в старинных фраках и платьях в пол, жившие здесь много поколений назад. А иногда персонажи ее историй и вовсе не были людьми. По коридорам расхаживали кентавры. Грозный Один наклонялся, чтобы распахнуть холодильник и налить молока в самый высокий из обнаруженных стаканов. В родительской ванной плескалась русалка и, поминутно недовольная температурой воды, крутила ручки смесителя. Из межстенья доносились перешептывания гигантских пауков.

А потом предупреждающе щебетал ярко-красный кардинал. Это значило, что Мейсоны вот-вот вернуться.

Наступало их время.

Не по плану

Сегодня, услышав пение кардинала, девочка вернулась к сушилке – забрать сборник мифов. Она запрыгнула на машину и перегнулась через спрятанный на задней панели механизм, чтобы дотянуться и вытащить книгу из тайника. На полпути обложка зацепилась за серебристую вытяжную трубу и выдернула ее из стены.

Девочка ненавидела совершать ошибки. Ненавидела нестыковки, которые обнаружат Мейсоны по возвращении домой. Отсоединение вывода сушилки – не самое страшное, что могло произойти. Она уже разбивала тарелку и пролила стакан воды на диван – а потом почти целый час промокала темное пятно пляжными полотенцами. По крайней мере, трубу за сушильной машиной вряд ли заметят сразу. Наверное. Девочка не имела ни малейшего представления, для чего эта трубка вообще нужна.

Так или иначе, надо было все исправить. Девочка почти слышала торжествующий предательский шепот отцепленной, наконец, разжавшей губы трубы: «Что-то не так. Здесь что-то не так». Она знала, что не сможет думать ни о чем другом до самой ночи, пока ей не представится возможность заткнуть эту болтливую штуку – заткнуть обратно в стену. До приезда Мейсонов оставалось еще несколько минут. Стоило попробовать вернуть все на свои места прямо сейчас.

Девочка снова распласталась на сушилке, скользнула на животе вперед и нырнула за вытянувшуюся вдоль стены панель управления, сползая все ниже, пока таймер не впился ей в бедро. Она почувствовала, как кровь прилила к лицу. Пальцы возились с трубкой, пытаясь засунуть ее в нужный разъем. Но она не входила. Волосы упали на лицо. Нужно было сжать вокруг трубки металлическую проволоку, но девочка не дотягивалась, чтобы ухватиться за нее как следует. Ее ноги заскользили по сушилке, и она почувствовала, что падает – едва ли не выворачивающее наизнанку ощущение. Но она успела поставить вытянутую руку на пол и удержалась. По телу прошла легкая волна тошноты. И тут она увидела его – розовое пятно в темном туннеле вытяжного отверстия в стене.

Девочка выронила трубку. Одной рукой она все еще упиралась в пол, а другую просунула в дыру, чтобы схватить эту розовую вещицу. Обычный старый носок. С налипшими клочьями пыли и выющихся седых волос. Именно то, на что она надеялась. Девочка взяла носок, встряхнула его и прижала к шее. Она знала, чей он. Мамин.

Мысль о том, что Мейсоны вот-вот вернуться, уже волновала ее не так сильно, как пару минут назад. Приоритеты поменялись. Голова кружилась от пульсирующей в висках крови. Девочка полностью сползла за сушилку и растянулась на полу. Она просунула руку в вытяжку – так далеко, как только могла. Может, там затерялось что-нибудь еще? Она

скребла проем сверху, снизу и по бокам, но в ее ладонь сыпалась только пыль да выгрызенные сушилкой нитки. Неужели совсем ничего? Она всеми силами пыталась дотянуться поглубже – пока не стерла кончики пальцев в кровь. Резкая боль полоснула запястье и предплечье – кожу прокусил острый металлический обод. Даже шорох гравия на подъездной дорожке не заставил ее прекратить поиски. Вдруг она что-то упустила? И только когда в замке входной двери повернулся ключ, она услышала мамин голос.

Элиза, прячься!

Девочка отшатнулась, словно ее ударило током.

Ее спасло разыгравшееся воображение – только и всего. Ключ поворачивался. Ее сердце бешено колотилось. Она огляделась вокруг. Готовы ли стены прачечной пустить ее в свои недра?

Мейсоны входят в свой дом

Мальчики бросили сумки на кафельный пол прихожей рядом с внучатыми часами. Мистер Ник положил почту на маленький дубовый столик. А потом они разделились.

Маршалл потащился в гостиную, барабаня мощными костяшками пальцев по лепнине. Мистер Ник медленно и размеренно затопал по лестнице, похлопывая рукой по перилам. А Эдди быстрым размашистым шагом направился в библиотеку – в сторону девочки. У одной из книжных полок он резко остановился – и крутанул небольшой глобус.

Телевизор в гостиной заговорил голосом Судьи Джуди⁸ – но Маршалл тут же переключил канал. Мистер Ник был уже на втором этаже. Он зашел в кабинет, и его шаги сменились мерным клетотом стула на колесиках. Эдди тем временем вошел в прачечную, где пряталась девочка. Пошаркивая по кафельному полу, он прошествовал мимо стиральной машины и сушилки на заднее крыльцо. Там он задержался общипать выползшие тростинки плетеного кресла, затем открыл дверь и вышел на улицу.

Можно было выдохнуть. Девочка, скорчившаяся в тесной, темной бельевой шахте, наконец позволила себе расслабить напряженные мышцы рук и ног. Она дрожала – адреналин все еще струился по телу. Как же глупо она чуть не попалась!

⁸ Ведущая одноименного американского судебного реалити-шоу. – Прим. пер.

Благо такое случалось нечасто. Но нужно было исключить любые ошибки. Она должна была стать продолжением самого дома.

Старайся лучше. На этот раз в голове звучал только ее собственный голос. Кому еще было предостеречь ее? Хотелось, чтобы рядом был кто-то, кто мог бы отругать, положить руку ей на плечо и укоризненно покачать головой. Саму себя особо не пожуришь.

Старайся лучше. Она вдохнула. Глубоко, медленно, спокойно. Она представила, как ее тело становится темным, полупрозрачным. Ей нравилось это место – потайной ход. Ее потайной ход. Он отличался от других закутков, в которых она пряталась. Он казался самым нутром дома. Его сердцем или желудком. В руках она держала мамин носок. Мейсоны рассаживались по разным уголкам дома и двора – а она прижимала старый носок к щеке.

Элиза держала мамин носок – и плакала.

Задымленное пробуждение

В декабре прошлого года домой из городского парка Элиза ползла на четвереньках по битому стеклу. Огонь позади нее ревел так громко, что она не была уверена, сможет ли когда-нибудь слышать. Выбираясь наружу, она стерла ладони и чуть не задохнулась парами бензина. Присела она, только добравшись до высоких зарослей сорняков чуть поодаль. Руки горели, а спину опалило жаром. Пушистые соцветия сорняков щекотали щеки. Ноги впитывали холод стылой земли. Она смотрела на столб черного дыма, поднимающийся высоко в небо от двух машин – грузовика и автомобиля ее родителей.

Она была умной девочкой. Очень взрослой для своего возраста. Она прекрасно понимала, на что смотрит. Понимала, что мамы и папы больше нет.

Когда ее нашли, она шла по обочине дороги через Вудлендский мост, примерно в двух милях от аварии.

Она почувствовала, как они пробиваются в ее мир. Они были в придорожных сорняках, хватающих ее за ноги. В темных деревьях по обеим сторонам дороги, раскачивающиеся ветки которых больше походили на руки. В скрежете барж, пришвартовывавшихся далеко внизу, под мостом. В свете их бьющих в небо прожекторов. В лязге и глухих ударах стыковочных цепей. Все вокруг говорило их голосами. Но они

были слишком тихими, чтобы разобрать слова.

Вы знаете, куда она направлялась? Она одна перебралась через мост – авария случилась в паре миль отсюда.

Куда ты шла, малышка? Ты прописана по адресу в другой стороне.

Когда ее привезли, она сказала мне, что там, в Плакеминсе, находится ее старый дом. Сейчас там живет другая семья.

Элиза, мы можем позвонить еще кому-нибудь? Ты знаешь кого-нибудь в городе? Или, может, твои родители знали?

Она молчит.

Ты можешь переночевать у кого-нибудь из родственников? Или пожить у них какое-то время, пока мы со всем не разберемся?

Сколько ни задавайте ей вопросов, шеф, – она не ответит.

Шахта

Элизе придется просидеть в потайной бельевой шахте все долгие послеполуденные часы – до самой ночи. Тут ее не найдут – шахта была заблокирована давным-давно и не использовалась. Какой-то предыдущий владелец поставил в главной ванной комнате на втором этаже большой шкаф – и тем самым перекрыл ее. Но Элиза вернула шахту к жизни. Пару месяцев назад, когда Мейсоны были в отъезде, она нашла в гараже маленькую пилу и прорезала тонкую деревянную заднюю стенку шкафа (срез был косой, неровный, но папа все равно гордился бы). Лаз, достаточно большой, чтобы девочка могла проползти на животе в его недра, был спрятан за стопкой старых полотенец и запасной туалетной бумагой. Уже изнутри шахты, встав на небольшие поперечные балки, девочка втиснула вырезанный кусок стенки на место. Хотя задняя панель шкафа обзавелась шрамом, а белая краска по краям среза отслоилась, обнаружить скрытый лаз можно было, только зная, куда смотреть. Сама шахта была достаточно узкой – прижавшись спиной к одной стороне, Элиза могла спокойно спускаться и подниматься по желобу.

Но дно шахты, ее раскрытая пасть в стене прачечной, было, пожалуй, главной причиной, почему Элиза любила этот лаз больше всех своих прочих ходов в межстенье. Именно здесь она узнала о существовании бельевой шахты. Когда

дом еще принадлежал ее родителям, выходное отверстие было заколочено квадратной фанерой, настолько уродливой, что отец решил выломать ее – и тогда они нашли забытую старую шахту. Мама была на работе, поэтому папа позвал Элизу. Они вооружились самым мощным отцовским фонариком – и отправились исследовать узкую стенную башню.

– Сколько же в этом доме странностей, – покачал головой отец. Он был художником, поэтому перенес доску в гаражную пристройку и выкрасил ее в темно-зеленый лесной цвет. А когда она высохла – взял тонкую кисточку и быстрыми рощерками краски взрастил по центру дерево. Плакучую иву в белом цвету.

Какое-то время панно радовало глаз, но близость к водопроводным механизмам стиральной машины сделала свое дело: с годами нарисованное дерево начало мокнуть, разбухать и трескаться. Элиза была уверена, что очень скоро мистер и миссис Мейсон затеют очередной ремонт, в ходе которого подкрасят или вовсе замажут дерево, а заодно обнаружат скрытую за ним шахту.

Но пока здесь можно было прятаться.

Труба сушилки в прачечной так и осталась незакрепленной. Книгу скандинавских мифов Элиза тоже бросила за машиной, когда она услышала стрекотание дверной ручки. Это беспокоило ее особенно сильно. Теперь, когда Мейсоны вернулись домой, покинуть бельевую шахту было не так-то просто: фанерную доску приходилось выталкивать по углу за

раз. И нужно было умудриться поймать ее, прежде чем она упадет на пол. Это требовало времени. Пока Мейсоны не спят, рисковать не стоило. Кто-то ведь мог проходить мимо и обнаружить ее. Чтобы починить вытяжную трубу и забрать оставленную за машиной книгу, придется ждать ночи. Это было ее наказанием.

Больше никаких ошибок.

По краям доски с папиным деревом ореолом сочился слабый свет. Его отблески подрагивали на бледных волосках предплечья. Ладони горели. Вдоль царапин, оставленных металлическим ободом выводного отверстия, бусинами рассыпались маленькие капли крови.

Царапины и синяки давно уже не трогали Элизу до слез. В последний на ее памяти раз она плакала год или два назад – когда ободрала коленку, упав с дерева. Воспоминание вспыхнуло перед ней, будто фотография: Элиза сидит на краю родительской ванны, плачет и смотрит на свое отражение в зеркале. Мама, склонившись над ее ногой, стерилизует и перевязывает рану. Волосы Элизы – причесанные – стянуты розовой заколкой на одну сторону.

Сидя в бельевой шахте, девочка смахивала налипшие на порезы ворсинки. Каждую алую каплю она зажимала большим пальцем – чтобы остановить кровь. Позже этим вечером она терпеливо и тихо вскарабкается по длинному желобу наверх, в ту же самую ванную, теперь принадлежащую мистеру и миссис Мейсон. Пока они внизу, смотрят телевизор, Элиза

откроет фальшивую стенку в задней части шкафа, протиснется между рулонами туалетной бумаги и окажется в ванной, где хранится медицинский спирт. Она не посмотрит в зеркало. Не посмотрит на свои запыленные щеки и растрепанные, слишком длинные волосы. Она промоет порезы над раковиной и стиснет зубы, когда жгучая боль полоснет руку.

Элиза понимала, что это неизбежно при жизни в одиночестве. Что быть одной значит заботиться о себе самостоятельно. Хочешь не хочешь – научишься.

Если Элиза поранится, пропорет ладонь гвоздем или подвернет лодыжку, она все равно останется одна. Если она простудится, то выздоровеет сама. Она будет сдерживать чихание (громко рывкают пусть все эти экспрессивные личности да нелепые герои мультфильмов, чьи попытки спрятаться проваливаются из-за такой глупости), но заботливая рука уже никогда не прижмется к ее горячему лбу. Никто не поднесет к постели ни ледяной воды, ни холодных компрессов, ни аспирина. Больше всего Элизу пугал кашель. И тошнота. Она переживала, не ослабеет ли настолько, что уже не сможет выкарабкаться из темноты этих стен. Что тогда случится?

Но так или иначе, она будет здесь. До каких пор?

Не важно. Она будет дома.

Элиза твердила себе это месяцами. Решимость провести здесь каждый день своей жизни ее не оставляла. Ее оставляла уверенность.

Новое начало

Когда полицейские наконец высадили Элизу, было уже поздно. Ее родственники – дед и тетя, которых она никогда даже не видела, – жили в северных штатах в другом, более раннем, часовом поясе. И на звонки женщины-полицейской они так и не ответили. Значит, на сегодня – мисс Брим. Женщина, позевывая и старательно скрывая это за поднесенной к лицу рукой, встретила их на крыльце в запахнутом от вечерней прохлады халате. Узкий фасад дома позади нее ничем не отличался от любого из соседних. С улицы дома выглядели приземистыми и корявыми, но Элиза видела немало таких в городе. Она знала, какими бездонными они были внутри, какими длинными – будто огромные змеи с захлопнутой пастью входной двери. Папа и мама называли их проходными домами⁹. А Элиза так ни разу и не спросила почему.

На крыльце мисс Брим присела на коврик и заглянула Элизе в глаза. Она говорила быстро, без интонации – так школьные учителя выдавали инструкции к стандартным тестам, которые сами не одобряли и ни за что бы не дали своим подопечным.

– Сегодня поспишь у нас. Возможно, даже поживешь

⁹ Распространенный в Новом Орлеане тип жилых домов шириной в одну комнату, все двери которых выстроены в ряд от парадного до черного входа. – *Прим. пер.*

несколько дней, пока не найдется, куда тебя пристроить. На ближайшее время твой дом здесь. А мы – твоя семья. Дом там, где тебя любят. Здесь тебя будут любить.

Она протянула Элизе маленького плюшевого слона и закованную зубную щетку.

На улице было холодно, дул ветер. В утробе змееподобного дома оказалось немногим лучше: зябко, темно, пропитано резким запахом недовыветрившегося отбеливателя. Мисс Брим не стала включать верхний свет, чтобы провести Элизу по дому. Их шаги впечатывались в деревянные половицы с глухим костяным стуком. Дверей между комнатами не было вовсе. В одной из спален, через которую лежал их путь, Элиза различила очертания ворочавшихся под одеялами тел. В другой кто-то приподнялся и уставился в их сторону. Все эти комнаты казались жилыми лишь отчасти и сливались в один неуютный коридор.

– Уже поздно, – прошептала мисс Брим, когда они оказались на другом конце длинного дома. – Или, даже скорее, рано. Разберемся со всем завтра. – Она просунула руку в дверной проем, включила свет в ванной, а затем кивнула куда-то в сторону – в слабом свете Элиза рассмотрела маленький матрас и скомканное у его изножья одеяло. Ее новая постель.

– А пока, – продолжила женщина, – разденься, почисти зубы и спи. Хотя бы попробуй уснуть. Утром у тебя начнется новая жизнь.

На кровати в другом конце комнаты еще одна девочка перевернулась и накрыла голову подушкой. Мисс Брим потрепала Элизу по плечу – она напряглась, будто дикий зверек, – и ушла. Элиза тут же отправилась в ванную выполнять ее наставления. Она почистила зубы, положила щетку на полку рядом с остальными четырьмя, выключила свет и на ощупь пробралась к кровати.

Она лежала на жестких простынях, а за окном оранжевым светом мерцали уличные фонари. Из ванной донеслось странное бульканье – вероятно, вода переливалась в трубах, но прежде подобных звуков она не слышала.

Элиза зажмурила глаза и попыталась представить, что, открыв их поутру, вернется в исправленный, непокалеченный мир. Мир, осознавший свою огромную ошибку и раздавший колоду заново. Но в ту ночь она так и не сомкнула глаз.

Ночь густела и, казалось, вовсе не собиралась заканчиваться. Та другая девочка на соседней кровати дышала ровно и спокойно. Ветер бился в расшатанные оконные стекла. А утро... Утро казалось совершенно невозможным. Оно все больше походило на нелепое, болезненное создание, несчастное, нуждающееся в помощи, но кусающее протянутую ему руку – чтобы затем снова умоляюще простирать свои слишком длинные, чтобы быть настоящими, пальцы. Девочка поняла – пора брать себя в руки.

Слова мисс Брим набатом били в ее голове: «Дом там, где тебя любят».

Элизе нужно было найти такое место.

Ей нужно было домой.

Мейсоны за работой

В воскресный день ближе к концу апреля мистер и миссис Мейсон позвали мальчиков помочь им оторвать ковровое покрытие в гостевой спальне. Это было давно увядшее коричневое месиво, старое и почти что липкое, отслужившее свой срок много лет тому назад.

– Как мы могли так долго откладывать? – посетовал мистер Ник. Его голос был приглушен белой респираторной маской. Остальные Мейсоны были в таких же. – У нас здесь платяной шкаф. Антикварный платяной шкаф девятнадцатого века – на ковролине!

Шурх! – миссис Лора оторвала длинный кусок. Она ползла по полу на коленях, скатывая старый ковролин в рулон. Покрытие отделялось неохотно и огрызалось на нее треском, чем-то похожим на звук комкаемой бумаги.

– Сколько же всего в этом доме нужно чинить! И сколько здесь странного... – ворчала она. – Эй, Маршалл, возьми что-нибудь поменьше. Плоской отвертки более чем достаточно, чтобы поддеть гвоздь. Тебе не нужен лом.

– Так у него шляпка уже содрана, – буркнул тот.

– Маршалл! – осадила его миссис Лора.

Лом в другом конце комнаты с грохотом упал на пол.

– Следи за своим поведением, парень, – подал голос мистер Ник.

Элиза была рядом. Мейсоны дружно работали – а она читала с фонариком внутри стены. Достаточно близко, чтобы слышать их разговоры и странный успокаивающий звук отрываемого от пола ковровина. Он напомнил ей о туфлях Русалочки, которые у неё были в детстве, – их ремешки на липучках расстегивались с похожим треском.

– Я не понимаю, с чего мы должны это делать, – прогудел Маршалл.

Миссис Лора свернула еще одну полоску ковровина и только тогда ответила:

– С того, дурачок, что этот ковер отвратительный. Если тебе известно значение этого слова. Ты не замечаешь даже, что от твоей комнаты несет так, будто там что-то сдохло.

Мистер Ник хохотнул. За стеной Элиза изо всех сил пыталась не фыркнуть.

– А ты, Эдди, какого черта лыбишься? – рыкнул Маршалл.

– Ну, хватит, ребята, – прервала миссис Лора. – У нас нет на это времени. Давайте, пожалуйста, ускоримся? Лучше бы покончить с этим до темноты.

Шурх!

Трудно было не заметить, что любим, даже самым незначительным, ремонтом миссис Лора наслаждалась больше, чем все остальные члены ее семьи, вместе взятые. Мистер Ник тоже мог ранним будним утром влезть на стремянку и подправить отошедший потолочный плинтус, но в целом придерживался более вдумчивого подхода к домашнему хо-

зьяйству. Несколько раз, выглянув из-за угла, Элиза видела, как он прерывал труды, критически осматривал сделанное, одновременно прикидывая объем будущих работ, недовольно поводит плечами и со вздохом, больше похожим на стон, изрекал усталое «твою ж...».

Она хорошо его понимала.

Зато миссис Лора слабости не проявляла никогда. За последние несколько месяцев Элиза видела из чердачного окна, как мать семейства Мейсонов с растрепанными, позолоченными солнцем волосами колотила кувалдой по садовому забору. Слышала, как она азартно посмеивалась, когда мыла обшивку дома из шланга. А одним поздним субботним вечером из пристроенного гаража потянуло свежей морилкой. Миссис Лора напоминала Элизе ее собственных родителей. Они тоже яростно стремились облагородить дом – пока не отказались от попыток завести еще одного ребенка (беременность Элизой сказала на мамином здоровье) и не решили сменить жилье на более подобающее. Говоря проще, за все починочные работы миссис Лора бралась с энтузиазмом, который Элиза считала патологическим.

На самом деле, миссис Лора не вызывала у нее такого отторжения, как какой-нибудь Маршалл, пусть даже именно она была движущей силой почти всех изменений – ужасных изменений! – в доме Элизы. Она ей даже нравилась – наблюдать за миссис Лорой было сродни просмотру по какому-нибудь метеоканалу репортажа о торнадо. Нравилась,

пока этот ураган не добирался до самой Элизы. Например, прихоть миссис Лоры заменить плотные занавески прозрачным тюлем несколько подпортила ей жизнь, лишив возможности прятаться за шторами. Не лучше была и ее привычка на четвереньках пылесосить под столами и за диваном. А как-то раз она вообще взяла фонарик и принялась исследовать странных размеров дыры в задних стенках шкафов и люк в потолке кладовой.

– Я не понимаю, какого черта мы всегда пашем сами, – проворчал Маршалл, сражаясь с яростно вцепившимся в угол куском коврового покрытия. – Можно ведь нанять кого-нибудь. Воскресенье – единственный день, когда у меня нет ни работы, ни домашки. Вам не кажется, что вешать на меня еще и это – просто свинство?

– Следи за языком, – напомнил мистер Ник с другого конца комнаты.

– Ни я, ни Эдди, – с нажимом продолжил Маршалл, – не хотим иметь ничего общего с вашими дурацкими затеями.

– Только вот Эдди почему-то не возмущается, – парировал мистер Ник. – Эдди, тебе ведь не в тягость помогать нам по дому? Нет? Что-то мне подсказывает, Маршалл, что жалуешься один ты.

– А ну перестаньте, – вклинилась миссис Лора. – И ты тоже, Ник.

Через несколько минут миссис Лора скомандовала своему мужу и Маршаллу приподнять шкаф, чтобы она могла

вытащить из-под него ковер. Эдди стоял где-то в углу. За весь день он едва ли проронил несколько слов. Будто онемел. Уследить за ним порой было очень сложно – как и представить, чем он занимался. Иногда Элизе даже казалось, что она не единственный призрак в этом доме.

Утром миссис Лора была уверена, что они разберутся с полом на раз-два – еще до вечера. Но вот уже снизу донеслось пение королька, огласив скорое наступление сумерек, а Мейсоны все смотрели на открывшийся им деревянный пол. Элиза слышала, как они ходили по нему, останавливаясь то тут, то там, чтобы поскрести подошвой по половицам. Из этого можно было сделать вывод, что дом снова нарушил их планы на быстрый ремонт.

Подпольный сюрприз.

– Нет, – раздосадованно заключила миссис Лора, – нет. Это не сработает. Нужно его оттереть, отшлифовать и покрыть полиролем. Ник, добавь все это в список.

Отец семейства помолчал и со вздохом согласился:

– Ладно. Считай, все добавлено.

– Я правильно понимаю, – проговорил Маршалл, – что в следующие выходные вы нас снова впряжете? Все воскресенье месяца – отлично...

Эдди в углу тихонько застонал – первый звук, который он издал за последний час.

Мистер Ник повысил голос:

– Даже слышать не хочу. Вы как будто не видите: мы и так

жалеем вас как можем. Учитывая, сколько всего в этом доме требует нашего внимания и сколько мы делаем без вашей помощи, вам не кажется, что полдня в неделю – это пустяки? Мы могли бы нагружать вас и почаще, но мы этого не делаем.

Мальчики не ответили. О стену прямо рядом с Элизой что-то ударилось. От неожиданности она вздрогнула. Наверное, Маршалл в показном отчаянии стукнулся затылком о гипсовую прослойку.

Повисла тишина. Элизе представилось, как мальчики и их родители рассматривают пол, который они только что раскопали под ковролином. Представился паркет – весь в пятнах, в черных потёках старости и разбухших тумачах, оставленных водами летнего урагана. Ей вспомнилось, каким был кухонный пол, после того как ее родители вскрыли прятанный его горчично-желтый линолеум. Им потребовалось немало времени, чтобы превратить замызганное деревянное покрытие в глянцевый, цвета сиропа паркет, каким он оставался и по сей день. Она вспомнила, как вместе с мамой валялась на животе на обретшем долгожданную новую жизнь полу и катала по нему хлопья «Чириос».

– К тому же, – продолжил мистер Ник, – если уж взялись за что-то, надо довести начатое до конца. Бросать работу на полпути – не дело. Лучше тогда вообще не браться.

– А мне вот интересно, – отозвался Маршалл, – если забывать на начатое так плохо, почему же мы живем здесь больше года, а все еще не разобрались с мышами?

– У нас нет мышей, Маршалл, – процедила миссис Лора. – Мы уже это обсуждали. Если бы они были, хоть одна да попалась бы в мышеловку.

О, Элиза эти мышеловки видела. По правде говоря, одна точно попалась – ее пятка.

– Кто же тогда ворует мою еду? – вскинулся Маршалл. – На прошлой неделе два «поп-тартса»¹⁰ пропало. И Эдди клянется, что не брал.

– Может, какие-нибудь жуки? – предположил Эдди.

– Точно! – подхватил мистер Ник. – Тебе не приходило в голову, что «поп-тартсы» могли приглянуться паре гигантских жуков?

– Ник, – укоризненно осекла его миссис Лора.

– Их стащили, – упрямо повторил Маршалл.

– Мыши не бегают с целыми печеньями в воровских котомках, – возразил мистер Ник. – Ты сам их съел и забыл.

– Ты их ел, Эдди? – уточнил Маршалл.

– Нет.

– Тогда, может, это вы? Мам, пап?

– Ты правда думаешь, что мы съели твои «поп-тартсы», Маршалл? – переспросил мистер Ник. – Выкрали их среди ночи, да?

– Вы меня за идиота не держите, – отчеканил Маршалл. – Я не тупой. И не маленький. Нет, сам я их не ел. Их сперли. Элиза закрыла книгу. Да, не стоило брать «поп-тартсы».

¹⁰ Популярное американское печенье. – *Прим. пер.*

Воскресный вечер

Даже внутри стен Элиза чувствовала сгущающиеся сумерки. Чувствовала всем своим телом: в своих замедлившись движениях, в мышцах, отяжеленных вовсе не усталостью. Ее догадки подтверждали и доносившиеся с улицы звуки. Едва слышно переквакивались древесные лягушки. Стройным хором им подпевали сверчки. Дневные цикады окончили концерт до следующего дня и теперь, подумалось Элизе, разбивают себе ночлег в траве или, может, за листвой – мало ли, куда им вздумалось податься.

Воскресные работы Мейсонов подошли к завершению – или, даже скорее, как обычно, к открытому финалу, – и каждый отправился своей дорогой. Мистер Ник – отдыхать в своем кабинете наверху, миссис Лора – почитать на заднем крыльце, а мальчики – по спальням. Дверь за Маршаллом тут же захлопнулась, Эдди же просто притворил свою. К ночи в доме становилось тихо. Не скрежетала перетаскиваемая из комнаты в комнату стремянка, не ревела в гараже настольная пила. Даже заляпанный краской радиоприемник в коридоре торжественно замолкал.

Этим вечером Мейсоны, казалось, вовсе перестали обращать внимание на звуки, которые изрыгал дом в полнейшей тишине. Голоса пары верховых, совершавших ночную прогулку по дамбе, звучали так громко, словно доносились из-

нутри дома, из какой-нибудь пустой комнаты или чулана. Полы и потолки иногда поскрипывали, будто сами по себе. Прикорнув на диване в гостиной, сквозь сон можно было слышать прошмыгнувшие где-то в доме шаги – и тут же списать это на перестукивание веток по обшивке дома или биение собственного сердца.

Но девочка тоже их слышала. В ее голове тут же зазмеились мысли: может, в доме был еще один «безбилетник», который, прямо как она, скользил незамеченным из комнаты в комнату? Может, он пришел за ней? Может, не одна она играет в прятки?

Без вести

Люди пропадают каждый день. Спасатели, друзья, соседи и родственники ищут их – гуляя по дорогам и набережным каналам, наведываясь в их любимые места, заглядывая на катки, в кафе, на детские площадки и потроша фургончики мороженщиков, кружа на вооруженных дальним светом машинах по ночным паркам... Люди пропадают каждый день. А вот находятся – не каждый. Если вообще находятся.

Но пропасть без вести не всегда значит исчезнуть.

Например, родные – дедушка в Миннесоте, тетя в Висконсине, троюродный брат в Иллинойсе – узнают, что их внучка и племянница пропала. Звонок из Луизианы оповещает их о несчастном случае: родители погибли, девочка провела ночь в приемной семье, которую для нее подыскала опека, – и сбежала. После себя она оставила только распахнутое окно спальни.

Родные в шоке, в панике. Они убиты горем и подавлены. Что им остается? Они отправляются в Луизиану. Из-за зимней непогоды их рейсы задерживаются – тогда они прыгают по машинам. По прибытии они разговаривают с полицией и женщиной из приемной семьи, раздосадованной, но совершенно бесполезной. Они садятся за руль и курсируют по незнакомым улицам города, ездят по дорогам, по которым, как им кажется, родители возили ее, пока были живы. Они

идут к ним домой, обыскивают там все, но находят только горящие лампы, все еще ждущие возвращения хозяев. Они не сдаются. Выключают свет и выходят на улицу, в промозглый холод. Поддаваясь ужасающим догадкам, они кидаются обыскивать канавы и переулки. Они заглядывают в окна соседних домов, надеясь, что вот-вот в их угрюмых серых отблесках возникнет ее лицо. Что она улыбнется им, жмурясь от света их фонарей.

Их ноги начинают неметь от холода, болеть и подгибаться. Усталость берет свое. Там, дома, у них своя жизнь. Она продолжается, она кипит. А девочка... Ее просто нет. Они звонят ведущему ее дело офицеру – вдруг у него есть новости? Возможно, они позвонят еще – из дома. Они уезжают, обещая друг другу не прекращать поиски.

Но наблюдая в зеркало заднего вида кажущуюся бесконечной ленту шоссе I-55, вьющегося в их северные штаты, они постепенно свыкаются с неизбежной, неумолимой мыслью: авария забрала три жизни.

Взрослые числятся погибшими, девочка – пропавшей без вести. Их больше нет.

Жуткое осознание: как легко и просто разом стереть целую семью. Жуткое, но неверное.

Взрослых и вправду больше нет. А вот девочка не пропала – она спряталась.

Возвращение домой

Домишко, в который они с родителями переехали несколько месяцев назад, своим домом она не считала. Им был старый дом – громоздкий, запутанный, будто лабиринт в детском журнале. Тот, который поминутно пытался развалиться на части. Тот, который хранил множество пока не разгаданных ей тайн. Тот, который хранил воспоминания.

Другие дома были всего лишь коробками из кирпича, дерева, стекла и черепицы. Но этот – этот был чем-то большим. Каждый день он будил ее, обнимал, баюкал. Подавался ей навстречу, отзывался на прикосновения ее пальцев, прижимался к ее голым ступням.

В то декабрьское утро она попала в дом через библиотечную дверь. Ее ручка болталась, а при повороте – выскакивала под приглашающий щелчок открывшегося замка. У двери были свои взгляды на то, что значит быть запертой. В двойные зимние окна дома настырно стучал холодный ветер. Новые хозяева уехали на каникулы. Она поняла это по лампам, зажигавшимся по таймеру, и по обогревателю, поставленному на прохладные восемнадцать градусов. Рождественская елка почти совсем засохла, игрушки кренили поникшие ветви к полу, угрожая вот-вот свалиться. В мусорном ведре на кухне девочка разыскала пустую упаковку из-под апельсинового сока и наполнила ее проточной водой, чтобы полить

умирающее дерево. Она легла на живот и залила воду прямо под срубленный корень – ее папа всегда поступал именно так, чтобы не уколоться об иголки.

За это время нужно было подготовиться: проверить старые проходы в стены и узнать, какие из них все еще существуют. Нужно было заглянуть в бельевую шахту, которую показал ей отец, отыскать щель между досками на чердаке – она видела ее, когда родители ремонтировали мансардный этаж, посмотреть, на месте ли съемная панель в потолке кладовой – за ней были спрятаны старые, вечно протекающие трубы.

Она пробралась в стены и пролезла куда дальше, чем когда-либо. В этих глубинах она не оказывалась даже в самых своих смелых путешествиях, пока родители занимались очередным ремонтом на другом конце дома и не могли наступить на горло ее любознательности прагматичным требованием вернуться в пределы безопасности. Теперь она знала наверняка, как далеко могла зайти.

Она познавала и сугубо практическую сторону дома: петли каких дверей обязательно наябедничают на нее своим заунывным скрипом, докуда слышен смыв унитаза и сколько времени требуется для наполнения бачка. Она научилась, слегка давясь, сдерживать чихание. Она изучила жившую здесь семью: их личные вещи, спрятанные в ящиках, размеры их одежды, мыло, шампуни, дезодоранты и зубные пасты, которыми они пользовались. С каждым часом дом, казалось,

разрастался – пока комнаты вовсе не перестали быть комнатами. Каждая была отдельным домом, а между ними вилась дорога коридора. Ну а чердак стал небесным куполом.

Элиза завернулась в стены дома, будто в зимнее пальто. И снимать его не собиралась.

Комната Эдди

Вечерние часы, после того как Мейсоны оставили пол гостевой спальни в покое на сегодня, Эдди провел в своей комнате за возведением замка. Инструкцию он даже не открыл. Он сидел на ковре – босой, все в тех же потрепанных джинсовых шортах, которые в тот день служили ему рабочими, – и бормотал что-то себе под нос так тихо, что, даже подобравшись к нему вплотную, услышать можно было лишь причмокивания подрагивающих губ. Он разделил детальки Лего по цвету и размеру, разложил их по расставленным вокруг коробкам и начал закладывать фундамент замка.

Пару недель назад Элиза выглянула в чердачное окно и увидела, как Эдди, только вернувшийся из школы, рыдал в одиночестве на заднем дворе, закрыв лицо руками. С тех пор ее не покидали мысли об этом: как странно, когда мальчик тайком плачет. У нее не было братьев. Конечно, Элиза видела, как плачут маленькие мальчики на детских площадках и в продуктовых магазинах. А той ночью, что она провела в доме приемной семьи, ей послышалось, будто в соседней комнате паренек чуть старше нее всхлипывает. Но наблюдать за Эдди было необычно. Необычно и завораживающе – как за собакой, которая ест свой обед вилкой и ножом. А еще это было приятно – видеть, что сломаться может каждый.

Элиза чуть передвинулась и прищурилась, пытаясь раз-

глядеть Эдди сквозь развешанные в его шкафу рубашки в полоске света между дверцей и косяком.

Внутренний голос неустанно твердил: *«Не подходи так близко»*.

Элиза в жизни не догадалась бы, что Эдди старше нее, если бы не знала. Его руки и ноги были по-птичьи хрупкими. Он очень редко подавал голос, но если и заговаривал, то делал это таким забавным тоном, будто пытался передразнить кого-то – хотя он вовсе не пытался. Как-то ночью, сидя в вентиляционной трубе у спальни мистера и миссис Мейсон, Элиза слышала, как они обсуждали, не лучше ли отправить Эдди в другую школу, подороже. Занятия в ней начинались на час позже и продолжались до самого вечера – какие-то специализированные занятия. Элизу это не удивило. Может, у Эдди и были друзья, но выходные он прилежно проводил дома, а не на подростковых тусовках. По правде говоря, Элиза и сама была такой же – даже когда у нее был выбор.

Она встречала таких странных ребят и раньше, пока еще ходила в школу. Обычно они, почти невидимые, сидели в дальнем углу класса и являли себя, лишь когда приходилось отвечать у доски. И вот тогда-то сложно было не заметить, насколько непохожи они были на прочих детей. Эти мальчишки Элизу не интересовали. Равно как и все остальные – она редко с ними общалась. Одноклассников она считала пустой тратой времени. Элиза всегда выбирала семью.

Больше всех в классе ей нравился тучный, вечно сонный

мальчик, который сидел рядом с ней. Он никогда не выдавал Элизу, хотя и замечал, как перед уроком она выскальзывала через заднюю дверь класса, сбегая от суматошной перемены и учеников, снующих туда-обратно и швыряющих тяжелые сумки с книгами на пол. Мальчик был неуклюж – прямо как Эдди – и однажды даже описался в классе, когда учитель проигнорировал его дрожащую, поднятую руку. Если память не подводила Элизу, за все время обучения она не перекинулась с ним и парой слов. Но он ей нравился. Как-то раз она залезла в шкаф – мальчик, как обычно, притворился, будто ничего не видел, и отвернулся в другую сторону. Когда мисс Робишо спросила, где Элиза и не заболела ли она, он, запинаясь, пробормотал, что не знает.

Эдди не так уж отличался от одноклассника Элизы. Большинству людей он показался бы странным. Но здесь, в своей комнате, он представал перед Элизой другим – настоящим. Один, вдали от школы, брата и родителей – здесь Эдди не был ни чудным, ни чересчур тихим, ни слишком чувствительным. Здесь он был талантливым и сосредоточенным.

Снизу раздался голос миссис Лоры – она напоминала Эдди, что пора спать. Он встал и, уперев руки в бока, критическим взглядом окинул проделанную работу. Затем кивнул и отправился в ванную чистить зубы.

Как обычно, Эдди закрыл за собой дверь, хотя особого смысла это не имело: спальня была заперта – никто не заглянул бы к нему, так или иначе. Эта его странная привычка

была на руку Элизе. Дверца шкафа скрипнула – и она оказалась в комнате. У Элизы было всего несколько минут, чтобы пошататься по спальне, будто по своей собственной, пробежаться взглядом по книжной полке и темной улице за окном и оценить, как продвигалось дело с замком. Конечно, все это можно было сделать днем, пока никого нет, но комната, опустевшая лишь мгновение назад, была другой, лучше – в ней чувствовалась жизнь. Элиза опустилась на корточки в том самом месте, где совсем недавно сидел Эдди – ковер все еще хранил отпечаток тепла. Ей не терпелось поближе рассмотреть зачатки будущего замка. Эдди успел наметить, где скоро вырастут стены и где первый этаж прочертят коридоры. В одной из комнат уже возвышались колонны – Элиза была почти уверена, что скоро на этом месте раскинется бальный или даже тронный зал.

Совсем скоро – через пару дней – вырастут замковые башни, и дворец станет обитаемым. По комнатам разбредутся рыцари в доспехах и белокурые принцы, незамеченными проскользнут в тени разбойники. А она будет наблюдать.

Вещи в тайнике

Она хранила их в укромном уголке под полом чердака. Под незакрепленной фанерной доской между стропилами было достаточно места, чтобы маленькая девочка могла лечь на спину и вытянуть ноги. При взгляде сверху это логово казалось тесным, как гроб. И по ночам, когда она спала, *они* кружали ее со всех сторон.

Здесь хранились полезные вещи. Несколько полупустых бутылок воды, найденных в мусорке. Недоеденные злаковые батончики «Nature Valley», сложенные пирамидой. Четырехлитровый пакет попкорна. Кое-как свернутые, измятые мальчишеские футболки. Одна девчачья – с единорогом и надписью «Я верю в людей». Флакон мужского дезодоранта. Старый, пустой туалет из неотложки. Стопка чистых салфеток и тут же – несколько скомканных.

Тут же лежали карандаши, точилка и блокнот, изрисованный зябликами, королями и кардиналами. Небольшой фонарик и запасные батарейки. Мятная жвачка.

Были и другие предметы, странные и несуразные. Из-за них тайник напоминал гнездо морской птицы, собранное из ярких вещиц, спасенных ей из океана.

Старая видеокассета по джаз-аэробике. Черный мужской галстук-бабочка.

Плюшевый слоник. Женская сережка. Одинокий розовый

носок.

Книги, фэнтезийные и мифологические, из спальни на первом этаже, с загнутыми уголками – разгладить эти шрамы на страницах, как ни старайся, уже не выйдет. Выгоревшая на солнце фотография: двое родителей и их ребенок.

Игра

Как-то в выходные, когда наверху никого не было, Элиза спустилась с чердака и увидела, что двери спален мальчиков не заперты. Особенно ее удивила приоткрытая дверь Маршалла. Из-за оставленных гореть ламп, этот просвет казался слишком ярким пятном посреди коридора – будто дом наблюдал из-под полуопущенных деревянных век. Шестнадцатилетний Маршалл всегда, даже уходя, держал свою комнату закрытой. Увидев в дверную щель его разбросанную по полу одежду и скомканные в изножье кровати простыню и одеяло, напоминающие ворох увядших, засохших листьев, Элиза почувствовала себя так, будто застала его выходящим из душа, даже несмотря на то, что эту комнату она знала так же хорошо, как и любую другую. Знала, какие секреты она хранит. Знала о журналах под тумбочкой с высокими тощими женщинами в нижнем белье и о паре раскладных ножей в красном пенале в глубине ящика компьютерного стола.

Она прокралась вниз по лестнице и услышала тихие, едва различимые голоса мальчиков, доносившиеся из столовой. Пластиковый стук по поверхности обеденного стола подсказал, что на него только что высыпали шашки. По деревянному полу шаркнули стулья – мальчики придвинули их поближе, почти уперевшись грудью в край столешницы.

– Ладно, – проговорил Маршалл. – Повторяю, одна игра

– и мы в расчете.

Элиза тем временем проскользнула в гостиную. Мальчики были прямо за углом. Элиза обошла диван, присела на корточки и протиснулась в щель между спинкой и стеной.

Слишком рискованно. Снова этот сердитый голос в ее голове.

Элиза проползла за диваном, высунулась с противоположной стороны, нашла удобную точку обзора между толстыми ножками журнального столика и заглянула в дверной проем.

Ты совершаешь ошибку. Опять.

Но Элиза очень любила шашки – а одной в них не поиграть.

Эдди, босиком, сидел на стуле, по-турецки скрестив ноги. Маршалл ссутулился, подперев подбородок кулаком, его поза напоминала изогнутый вопросительный знак. Шашки уже заняли свои исходные позиции. Младший из братьев сосредоточенно обдумывал первый ход.

– Ходи, – процедил Маршалл.

Эдди уставился на доску. Он приподнялся на коленях и скрючился над столом, вглядываясь в черно-белое поле. Челка, свисающая со лба, почти касалась клеток. Наконец он, оттопырив локоть, поднял тонкую руку и указательным пальцем аккуратно подтолкнул шашку вперед. Ответный ход Маршалла последовал незамедлительно: он взял одну из своих шашек и бросил ее на новый квадрат. Она забарабанила по поверхности, будто раскрученная монета, и наконец за-

мерла.

Эдди не торопился делать следующий ход. Размышляя, он скреб что-то вроде комариного укуса на бедре. Он был поглощен игрой, но чесался аккуратно, ногтем обводя покрасневшую кожу по контуру, и ни разу не коснулся самой шишки. Маршалл недовольно приподнял бровь и принялся изучать свои ногти. Большой палец, по-видимому, не отвечал его представлениям о маникюре и тут же был обкусан.

– Это шашки, а не ракетостроение, – не выдержал Маршалл.

Эдди сделал ход. Маршалл себя ждать не заставил. Разглядеть, что происходит на доске, Элизе не удавалось. Приходилось вглядываться в лица и анализировать позы. Сколько ходов они сделали? Как далеко тянулись, чтобы передвинуть шашку? Так Элиза и следила за игрой. Маршалл провел рукой по щетинистому затылку – недавно он подстригся под морпеха. Эдди нахмурил брови и сильнее навалился на столешницу.

Чем дольше они играли, тем больше времени уходило у Эдди на обдумывание следующего хода. Элиза представила, как мысли скользят по его лбу, будто проекции по стенкам вращающегося детского ночника.

Оставить дамку на месте, в заднем ряду, или пустить ее в атаку? Стоит ли она чего-то, если так и не сдвинулась с отвоеванной клетки? Может, нужно ее защитить?

Время шло, а Эдди никак не мог принять решение. Мар-

шалл повертел съеденные шашки брата в руках, построил из них башенку, затем снова сгреб их в большущие ладони. Он по-бычьи выдвинул нижнюю челюсть вперед и вдруг рухнул головой на согнутую в локте руку. Другая все еще поигрывала трофейными шашками.

Партия закончилась во время одного из самых долгих ходов Эдди. Маршалл взял коробку, подставил ее к краю столешницы и одним неуловимым движением смел все фигуры с доски. Эдди испуганно, по-собачьи взвизгнул, когда целый шашечный мир испарился прямо под его носом. Маршалл был невозмутим. Он сложил доску и отправил ее в ту же коробку.

Уже поднявшись, чтобы отнести шашки в библиотеку к остальным настольным играм, он остановился и пояснил:

– Я правда не могу с тобой играть. Ты же знаешь, я хочу, я пытаюсь, черт возьми. Но с тобой просто невозможно.

Он сделал еще несколько шагов, остановился в дверях гостиной и, сунув коробку под мышку, развел руками:

– Мать твою, Эдди. Тебе тринадцать на следующей неделе. Ты уже почти взрослый! Ты будешь учиться в старших классах, со мной. А мне там, между прочим, и без необходимости приглядывать за тобой непросто. – Маршалл взял коробку с шашками обеими руками, поднес ее к лицу и потряс, громыхнув содержимым. – Так что, блин, чувак! Будь уже нормальным гребаным братом!

Эдди сидел, уставившись в стол, как будто доска все еще

была перед ним. Его лицо не выражало ровным счетом ничего, руки были сложены на коленях, рот приоткрыт.

– Да я сам от тебя этих странностей нахватываюсь. Перерасти это, а? Повзрослей! Просто будь нормальным. Если, блин, можешь.

Маршалл отнес игру в библиотеку и отправился в свою комнату.

Вечером

Из черных и белых деталей Лего Эдди соорудил на полу своей спальни шахматную доску. С одной стороны выстроились рыцари, с другой – разбойники. Он играл против самого себя, человечки перескакивали друг через друга, ведомые его рукой. Между ходами Эдди шурился, будто пытался забыть разыгранную минуту назад стратегию противника.

В какой-то момент он поднялся, чтобы воспользоваться ванной, и замер посреди комнаты так, будто заметил что-то необычное. Его взгляд заскользил по комоду, мягкому креслу, гардеробу. Он немного наклонился и заглянул под кровать. Весь его вид выдавал зародившееся где-то внутри чувство беспокойства, словно дрожь впиалась в его плечи, дышала в затылок. Возможно, причина была всего лишь в том, что последний час он притворялся двумя разными людьми.

Эдди зашел в их общую с братом ванную комнату и опасно прикрыл за собой дверь. Он пробыл там недолго. Звук слива означал, что следующие двенадцать-пятнадцать секунд Эдди, над раковиной, будет тщательно намывать руки лимонным мылом. А громыхание вешалки для полотенец возвестило, что дверь ванной вот-вот распахнется.

Поначалу никаких изменений он не обнаружил. Кровать была застелена по-маминому – с откинутым сверху покрывалом. Некоторые книги на полке лежали горизонтально, а

некоторые стояли вертикально – он любил складывать их именно так. Фигуры на шахматной доске из Лего остались на прежних местах: пара разбойников метила в дамки, у доски их уже ожидали королевские регалии в виде корон и лошадей.

На какое-то время Эдди снова погрузился в игру. А потом он заметил. Кое-что изменилось в замке, который он закончил накануне, в единственной башне, растущей из самого его сердца. В «Обсерватории» – так Эдди представил ее своей пустой комнате, когда наконец достроил. Из окон и порт-кулис то тут, то там выглядывали рыцари и волшебники, но на верхней площадке башни он оставил лишь длинный телескоп с выпуклой алмазной линзой.

Эдди сжал губы. На башне появилась одинокая фигура. Она прогнулась в талии, то ли смеясь, то ли вглядываясь в небо, и протянула руку к телескопу. Эдди не ставил ее туда. Даже не доставал из коробки. Это была маленькая ведьма.

Трудно понять, о чем думает человек, бросая на него лишь короткие, осторожные взгляды. Почти невозможно уловить что-то, кроме отдельных движений. И уж тем более догадаться, что он подумывает оглядеться в пустой вроде бы комнате и спросить:

– Кто здесь?

Реальность наступает

Мысли о том, что происходит снаружи, вне стен дома, часто навевали на Элизу воспоминания о родителях. Одно перетекало в другое, представляясь чем-то неразрывным, неделимым. Ласковые лучи заглянувшего в чердачное окно солнца на ее лице, шее и плечах оборачивались теплом маминых рук. Пробиравшийся через то же окно ночной ветерок сквозняком проползал по половицам и остужал её взмокшую, горячую кожу – совсем как папа. Он всегда заглядывал к Элизе по вечерам, обнаруживая ее в постели с невыключенным верхним светом и откинутыми, сползшими на пол простынями. Элиза слышала, как он замирал в дверном проеме, а затем выходил. Щелчок, урчание оживающего кондиционера. Потом папа возвращался, накрывал её простыней и гасил свет.

Иногда сам дом казался призраком. Всякий раз, когда Элиза слышала скрип открывающейся сетчатой ширмы входной двери – пусть даже в тысячный раз за день, – на мгновение ей казалось, что это вернулась мама. Что сейчас она, как когда-то в прошлой жизни, с пакетом вареных раков в руках, придержит Элизе дверь бедром.

Дверной звонок остался неизменным. Как Элиза ни уговаривала себя, что ушедшего не вернуть, она раз за разом искренне ожидала услышать вслед за звонком голоса роди-

телей, приветствующих пожаловавшего гостя.

Шаги наверху. Голоса, доносящиеся со двора. Кому они только не принадлежали.

Какой же дом огромный. Какой нескладный. И как бы старательно Мейсоны ни пробивали стены, ни отрывали ковры, ни втискивали в комнаты свою мебель и ни увешивали их своими фотографиями, от них ли Элиза пряталась за колонной в прихожей или в шкафу в одной из комнат на втором этаже? Их ли искала взглядом, аккуратно высунувшись с лестницы? Может, это всего лишь затянувшаяся игра в прятки с родителями? И они вот-вот сдадутся и позовут ее откуда-нибудь из дальней комнаты?

– Ладно, ну и где ты? – однажды окликнула ее мама. – Элиза, ты вообще еще здесь?

Несколько месяцев назад, вернувшись в старый дом, Элиза решила, что календари больше не имеют для нее значения. Тени сменяющих друг друга дней и ночей скользили по полу. Недели пролетали, словно невидимые планеты, несущиеся по залитому солнечным светом небу. Даже дня рождения у Девочки из Стен больше не было. Можно было не считать дни до окончания школы. Больше никаких каникул и выходных. Никаких календарей – кроме настенного календаря Мейсонов. По нему она теперь выросла. По нему же узнавала об их выходных и домашних делах. Он поведал ей о предстоящем дне рождения Эдди, о начале летних каникул мальчиков, о датах летних школ и о сезоне ураганов. Эли-

за изменила привычный распорядок дня, подстроилась под них. Она прислушивалась, вглядывалась. Каждое ее утро – ее время – на этой неделе было наполнено предвкушением. Она рассматривала упакованные подарки ко дню рождения, которые спрятались в библиотечном камине. Она снова и снова заглядывала в комнату Эдди, проверяя, сделал ли он что-нибудь с ведьмой, которую Элиза водрузила на башню возведенного им замка. Похоже, с тех пор Эдди к нему не прикасался.

Она не знала, что и думать об этом.

Она жила в режиме ожидания. В неумолимо вращающемся мире ее жизнь была фильмом, поставленным на паузу. Призрачная жизнь.

Но ты не призрак. Этот голос в ее голове. Предупреждение. Не забывай об этом, хорошо?

Она не забывала.

Будь осторожнее.

День рождения

В субботу Мейсоны отмечали день рождения Эдди. Миссис Лора приготовила для всей семьи яичницу и блинчики, но Эдди, как всегда, ел в столовой в одиночестве. Никаких друзей он не позвал, и, судя по всему, из планов на вторую половину дня была только поездка за замороженным йогуртом в «Зак'с». Скромный день рождения, но вроде бы такой Эдди и хотел.

Элиза хорошо понимала его. Два последних дня рождения, десять и одиннадцать лет, она отмечала только с родителями. Все, чего она хотела, помимо подарков и пирожного, – проехаться по Аптауну и, высунувшись из распахнутого окна машины, любоваться разноцветными старыми домами, принарядившимися к Хеллоуину. Но в этот раз Элиза все равно надеялась, что празднование дня рождения Эдди будет чуть более масштабным. Или, по крайней мере, покажется ей чуть более интересным.

Пока Эдди открывал подарки – неспешно, осторожно, аккуратно разворачивая оберточную бумагу вместо того, чтобы просто порвать ее, – Элиза сидела в гостиной, в гардеробной для верхней одежды. В начале недели мистер Ник пристроил в ее тесную глубокую утробу большой письменный стол. Он втиснулся в длину между висящими куртками и плащами, опеленавшими его с обеих сторон. Пустое про-

странство под столешницей, предусмотренное для ног, служило Элизе идеальным прибежищем. Она свернулась калачиком, уперевшись ступнями в ящики, как младенец в утробе матери, слушала, как Эдди открывает подарки, и пыталась угадать их содержимое.

– Ого, – выдал он после того, как стянул крышку с картонной коробки. – Спасибо.

Что-то полезное, но неинтересное. Одежда? Может, штаны или нижнее белье? Вероятно, даже комплект нижнего белья?

– Примерь! Посмотрим, как сидит! – предложила миссис Лора.

Вряд ли это было нижнее белье.

Эдди надел рубашку и, по велению стоящей посреди комнаты матери, дефилировал в ней до тех пор, пока Маршалл не рыкнул, чтобы она перестала его смущать. Эдди тут же кинулся открывать следующий подарок. Кажется, это был один из самых небольших. Возможно, тот, который был похож на книгу. Он особенно интересовал Элизу.

– Здорово, – протянул Эдди. – Книга.

Элиза вскинула кулак в победном жесте:

– Да!

– Вау, это книга по шахматам!

Черт!

Почему бы не купить в подарок что-нибудь поинтереснее? Да хотя бы книгу по истории – про тех же африканцев или

индейцев. Такую полистать было бы любопытно. Но книга все еще была лучше следующего подарка – флакона дезодоранта.

– Любому подростку он нужен, – немного виновато прокомментировала миссис Лора.

Последним был подарок Маршалла. Элиза видела его у камина в гостиной: большой ком голубой папиросной бумаги, перемотанный скотчем. Упаковка выглядела так небрежно, что даже без бирки даритель был очевиден.

– А это понятно от кого, – не удержалась миссис Лора, пока шла за подарком через комнату. Должно быть, ей пришлось нести его осторожно, в обеих руках, чтобы нечаянно не порвать бумагу раньше времени. На распаковку Эдди потратил буквально мгновение.

– Рюкзак, – констатировал Эдди. – Спасибо, Маршалл. Теперь у меня их два.

– Нет, теперь у тебя он есть, – сказал Маршалл. – Тот детский в фиолетовую полоску, который ты таскал, можешь выбросить. Все равно он маловат.

Повисла пауза. Было слышно только, как бьется о потолок терзаемый сквозняком большой воздушный шар и как Эдди комкает папиросную бумагу.

– Я люблю свой рюкзак, – наконец ответил Эдди.

– Конечно, – тут же поддержал его мистер Ник. – Он очень даже неплох. Да и купили мы его всего пару лет назад.

– Может, для ребенка он и неплох, папа, – сказал Мар-

шалл. – Для малышни. Но кажется, я единственный тут понимаю, что Эдди уже не ребенок.

– Маршалл, – примиряющим тоном проговорила миссис Лора, – подарок просто замечательный. Отличная идея. Уверена, твой брат оценил.

– Не надо говорить за него, – отрезал Маршалл. – Эдди, блин, уже тринадцать. Хватит нянчиться с ним как с младенцем.

– Достаточно, Маршалл, – осадил его мистер Ник. – Прекрати.

– Да пожалуйста.

Казалось, Маршалл никак не мог взять в толк, что сегодня у Эдди день рождения.

«Пойми уже намек, – подумала Элиза, – и заткнись».

Если все подростки такие, ей лучше бы не помнить собственный возраст. Чтобы в назначенный час просто забыть измениться.

– Вообще-то, – начал мистер Ник, – мы прекрасно знаем, что теперь самый юный из Мейсонов официально стал подростком. И подготовились к этому событию со всей ответственностью. Так что у нас для тебя еще один подарок.

– Правда? – удивился Эдди.

Хорошо. Уже распакованные подарки Элизу разочаровали. Все, кроме книги, оказалось сугубо практичным: одежда и школьные принадлежности. Пусть на этот раз будет что-нибудь интересное. Книга. Или Лего – какой-нибудь кон-

структор. Пиратский корабль, может быть?

– Где же он?

– Вон там, в гардеробной, – ответила миссис Лора. – Открой и посмотри.

Глаза Элизы расширились.

Когда она пробралась в гардеробную несколько часов назад, то не увидела никакого подарка для Эдди. Ни оберточной бумаги, ни лент. Ничего хотя бы похожего на подарок. Только картонные коробки в дальнем углу, старые картинные рамы, контейнер для хранения электрических лампочек и удлинителей и новоявленный стол.

Стол.

О нет.

Элиза услышала мягкие шаги Эдди, приближающиеся к двери. Скрипнули петли.

– Письменный стол? – спросил он.

– Как у твоего брата, – подтвердила миссис Лора.

Они ее не заметят. Выдвижные ящики надежно скрывали ее от посторонних глаз. Чтобы увидеть Элизу, одному из Мейсонов пришлось бы протиснуться через узкий проход, оставшийся между столом и стеной, и наклониться.

– Я вынесу, – вызвался мистер Ник и подошел поближе.

Стол дрогнул за спиной Элизы, когда отец семейства схватился за него. Он потянул с достаточной силой, чтобы напольное ковровое покрытие не успело вцепиться в стол зубами силы трения. Деревянная панель сильно ударила ее в

спину. Элиза еле сдержала крик.

Мистер Ник снова потащил стол на себя. На этот раз Элиза была готова и уперлась ногами в ковер. Стол сдвинулся на дюйм. Затем еще на полдюйма.

– Мы подумали, – сказала миссис Лора Эдди, – что в старшей школе тебе понадобится рабочий стол побольше. Осторожнее, Ник, не порви ковер.

– Стол за что-то зацепился, – отозвался мистер Ник и еще раз дернул его, снова пройдясь Элизе по спине. Она ухватилась за ковер обеими руками настолько крепко, насколько было возможно. Спина пульсировала. Мистер Ник потянул за один угол, потом за другой. В ответ Элиза упиралась спиной в деревянную панель стола то с одной, то с другой стороны. Ее пальцы горели. Она почувствовала, как ковровое покрытие, в которое она вцепилась, оторвалось от пола.

– Тебе нравится? – спросила миссис Мейсон.

– Мне... ну... – Эдди замялся и прочистил горло.

– Маршалл, – позвал мистер Ник, – иди сюда и помоги мне вытащить стол.

Элиза услышала, как Маршалл встал с откидного кресла на другом конце комнаты. Подставка для ног со скрипом вернулась на место. Маршалл прошаркал по ковру в её сторону.

– Ну так что, тебе нравится? – не унималась миссис Лора.

Они увидят ее. всей семьей. Как только мистер Ник и Маршалл поднимут стол и вынесут его в гостиную. Бежать было некуда. В задней части гардеробной затаиться не удаст-

ся. Единственный выход перекрыли Эдди и мистер Ник. От них Элизу отделял только стол. Больше спрятаться было негде. Они стояли прямо над ней. Они все.

– Не надо сейчас, – наконец заговорил Эдди.

– В смысле? – опешила миссис Лора.

Элиза почти слышала, как мать и отец повернулись к нему.

– Правда, не надо сейчас, – повторил Эдди. – Потом. Я хочу потом. Давайте вынесем потом.

– Но почему? – не понимал мистер Ник. Элиза почувствовала, как он снова ухватился за стол и приготовился тащить. Маршалл уже стоял в дверном проеме и постукивал ногтем по столу. Элиза еще крепче вцепилась в ковер пальцами рук и ног и задержала дыхание. Легкие начали гореть.

– Не надо сейчас!

На мгновение воцарилась тишина. Элиза уже не могла представить, как дышать, не хватая ртом воздух.

Первой заговорила миссис Лора.

– Успокойся, милый. У Эдди же сегодня день рождения. Вытащим стол потом, раз он так хочет.

Мистер Ник на шаг отступил от гардеробной.

– Ладно, конечно, – согласился он. По голосу было件нятно, что он озадачен и расстроен, но пытается это скрыть. – Подарим попозже.

Маршалл сдаваться не собирался

– Или мы можем вытащить стол прямо сейчас. Пап, давай

просто отнесем его в комнату Эдди. Нашел время для своих закидонов.

– Хватит, Маршалл, – решительно громыхнул мистер Ник. Петли взвизгнули, и дверь гардеробной захлопнулась. Мейсоны удалились на другой конец комнаты.

Снова темнота. И дрожащие мышцы спины. И судорожно вцепившиеся в ковер, отказывающиеся разжиматься пальцы.

Что это было?

Пол уходил из-под ног. Вываливался, будто отвисшая челюсть. Будто дорожное полотно из-под визжащих колес резко затормозившего поезда. Мейсоны были так близко. Казалось, весь мир замер в ожидании. Она чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Ее словно подхватило порывом ветра – и бросило оземь.

Она была осторожна.

Нет, не была.

Откуда ей было знать, что они заглянут в гардеробную?

А зачем было подходить так близко?

Слежка

Как и пожелал Эдди, Мейсоны отмечали день рождения пикником на лужайке за садом с пищей и пирожными на бумажных тарелках. Сам он так и не присел: бродил, то и дело замирая, поодаль от остальных. Копна темных выющихся волос то и дело мелькала в окнах, выходявших на залитый солнцем двор. Отобедав, Мейсоны вернулись в дом и решили все-таки забрать стол из гардеробной. Доставить его в спальню Эдди оказалось задачей не из легких: мистер Ник, Маршалл и Эдди затаскивали его на второй этаж, ворча и спотыкаясь. Похоже, этим лучше было заниматься вдвоем – третий человек скорее мешал процессу перемещения тяжелого дубового стола по изогнутой лестнице. Но мистер Ник, в какой-то странной попытке подвести итог дню рождения Эдди, настоял на том, чтобы они сделали это вместе.

– Теперь ты мужчина, Эдди, – возвестил он. – Так что помоги нам разобраться с этой машиной. И реши сам, где ты хочешь его поставить.

Когда они наконец оказались на втором этаже, пришел черед остальной мебели. Она недовольно стонала, пока ее таскали и переставляли по комнате. Затем неуклюжие шаги протопали по чердачной лестнице. Закончив, Мейсоны вернулись к привычным делам. В пристроенном гараже вскоре завизжала настольная пила мистера Ника. Миссис Лора от-

правилась в сад поливать цветы. Маршалл смотрел телевизор и ждал, пока кто-нибудь из родителей освободится и подкинет его на дневную смену на автомойку. Наверху остался только Эдди. Он был в своей комнате.

По подковообразному коридору разлились тишина и спокойствие: и по той стороне, куда выходила спальня родителей, и по другой – где ютились комнаты мальчиков. Проплывающие по небу облака то затирали, то чётко прорисовывали тени на полу. Дверь в комнату Эдди была слегка приоткрыта. Было слышно, как занавески бьются об оконные откосы.

Что он там делал?

Через щель она увидела распахнутое окно. Эдди сидел на стуле прямо перед ним, сгорбившись и положив руки и подбородок на подоконник. Ветер раздувал занавески, и они мерно вздымались, будто мощные грудные клетки вымахавших до небывалых размеров игрушечных солдатиков, охранявших Эдди с обеих сторон. Он был неподвижен. Возможно, даже спал.

Под ее ногой скрипнула половица. Эдди встал.

Элиза застыла.

Но Эдди всего лишь прошествовал в ванную и, чуть помедлив, прикрыл за собой дверь.

Элиза огляделась вокруг, выдохнула и вошла внутрь.

В комнате сделали перестановку. Огромное кресло вынесли, а вот приземистый комод остался на месте с разинутым нижним ящиком. Передвинуто было почти все. Огромный

письменный стол занял место книжной полки. Кровать, стоявшая раньше вдоль стены, была развернута к центру комнаты.

Элиза опустилась на пол и проползла под обрамленную подзором¹¹ кровать. Журчания воды по ту сторону двери слышно все еще не было. Мог ли Эдди почувствовать ее присутствие? Как бы она ни старалась, быть полностью бесшумной у нее не получалось. Даже самый мягкий шаг по самому мягкому ковру сопровождался характерным шелестом. А сейчас еще и подзор кровати предательски пытался облепить ее джинсы.

После утреннего происшествия, когда Элиза чуть не попалась, ей стоило бы спрятаться на чердаке. А лучше – в стенах. Она понимала это.

Но у Элизы не было сил ждать. Что-то разрасталось внутри, распирало, будто воздушный шар, в который продолжают закачивать воздух. Это было невыносимо. Ей нужен был знак. Ей нужно было услышать или увидеть что-то – едва ли она знала, что именно.

Голос в ее голове не умолкал. *Он знает?*

На несколько секунд в ванной включился смеситель. Задребезжала вешалка для полотенец. Эдди открыл дверь и снова сел на стул у окна.

За ним шелестели на ветру деревья. Шипел шланг в руках

¹¹ Декоративный материал, при помощи которого обрамляют нижний край спального ложа. – *Прим. пер.*

миссис Лоры. Снизу доносились завывания моторной пилы мистера Ника.

Сквозь щель между подзором и ковром Элиза видела его новую книгу по шахматам – она валялась на полу. Рядом с ней, размеренно, будто секундная стрелка часов, то появлялась, то снова исчезала босая пятка Эдди.

Должно быть, прохладный ветерок пробирался в окно, обдувал лицо Эдди, играл в его волосах. Голоса с улицы стали слышнее, но прерывались расстоянием и преградами, будто плохой радиосигнал. Разобрать слова было трудно. Доносились они определенно с реки. Где-то за дамбой перекрикивались друг с другом два капитана буксиров, направляя свои баржи вдоль берега.

Этим утром Эдди спас ее. Мистер Ник и Маршалл едва не выбили ее из укрытия под столом, он остановил их. Эта мысль вовсе не утешала. Но в то же время приносила некоторое облегчение. Невесомое, как ветерок.

Если Эдди и знал, то хранил ее тайну. Что и продемонстрировал сегодня утром. Он не боялся ее. Что, если он знал уже какое-то время? Сколько раз он мог обернуться и заметить ее за спиной? Сколько ошибок на пианино он допустил из-за нее в тот раз, когда она карабкалась по стенам? Или же ему подсказала пластмассовая ведьма, оставленная на замковой башне?

Часть Элизы хотела снова делиться с кем-нибудь своей жизнью. Тем, что она видела. Например, как однажды ночью

на ветку раскинувшегося за коридорным окном дуба села сова и зыркнула внутрь желтыми глазищами. Как пряталась под полом кошка. Какие секреты хранил сам дом: о потайной бельевой шахте, об укромном уголке под чердачными половицами, о межстенье и о том, как туда попасть. Чужие реакции казались чем-то необъяснимо приятным. Рассказать кому-то о том, как она встретилась взглядом с койотом, крадущимся по ночному двору. Рассказать и увидеть волнение и страх на лице собеседника. И убедиться: ее чувства верны, ее чувства не напрасны.

Но, опять же, не стоило этого делать.

С другой стороны, Эдди мог и не знать о ее присутствии в доме.

Что, если он попросил мистера Ника и Маршалла оставить стол в гардеробной просто потому, что и правда не хотел вытаскивать его в тот момент? С его-то странностями, он вполне мог решить, что столько подарков зараз – это слишком. Или, может быть, стол ему не понравился, и он не спешил рассматривать его, оглаживать столешницу и изображать радостное волнение, заглядывая в ящики? Что, если ее спасение было случайностью?

И даже сейчас он просто сидел и смотрел в окно, неподвижный, не замечающий ничего вокруг. По солнцу пробежала тень, окрасив мир в серый цвет.

Через открытое окно Элиза услышала, как распахнулась задняя дверь. Маршалл вышел во двор и сказал что-то мис-

сис Лоре. Она выключила воду. Открылась и закрылась пара автомобильных дверей. Зарычал двигатель, и мать повезла его на работу. Внизу пила прожужжала еще три или четыре раза – и затихла. Мистер Ник наконец закончил распилочный этап работ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.